

*Она сделает все, чтобы
избежать нежеланного брака*

НОЧЬ КОРОЛЕВ

Кристиан
Хандель

Кристиан Хандель

Ночь королев

Серия «Trendbooks magic»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73965557

Кристиан Хандель. Ночь королев: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2026

ISBN 9785002527281

Аннотация

«Ночь королев» – история о пути к свободе, о дружбе, любви и борьбе за выживание с сильной героиней и неожиданными поворотами сюжета.

Юная Аликс едет во дворец не ради короны, а по принуждению. Но судьба дарит ей запретную страсть. Готовясь к смотру невест, девушка встречает лорда Тираса. Дерзкий, опасный, он пробуждает в ней такие чувства, которых она не испытывала прежде. Их связь – игра с огнем, ведь темные коридоры дворца полны слуг короля Гидеона, а с портретов за гостями следят чьи-то глаза...

Безумный король затеял опасную игру, где темные чары обретают власть над его пленниками. Сможет ли Аликс вырваться из ночного кошмара или погибнет вместе с тем, кто стал для нее дороже жизни?

Если вы ищете книги-романы про любовь в фэнтезийных декорациях, фэнтези-книги о борьбе за престол, остросюжетные

любовные романы и книги фантастика, книга-роман «Ночь королев» для вас. Этот роман понравится тем, кто выбирает книги про любовь с атмосферой темной сказки, книги 16+ и книги для взрослых в категории Young Adult, кому нравится художественная литература редакции Trendbooks и книга фантастика и фэнтези.

Содержание

1	6
2	18
3	32
4	42
5	52
6	64
7	76
8	87
9	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Кристиан Хандель

Ночь королев

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Королевский двор Торренфелла

Три года спустя

Каждый раз, когда я вижу звездные кисти, мне становится грустно. Каждый год, когда распускаются эти цветы, я вспоминаю о том, что мы потеряли. О том, что все мы натворили в борьбе за корону, которую на самом деле никто не хотел. И иногда это время кажется не менее тяжелым, чем время нашей вины.

1

Праздник Звездных кистей

Графство Гримхольд

Наши дни

Все звуки приглушаются, когда я натягиваю тетиву и сосредотачиваюсь на цели. Фырганье лошадей в конюшне и хруст соломы у них под ногами, бряцание оружия дозорных на крепостной стене, дыхание двух мужчин рядом со мной – все затихает. Я больше не чувствую прохладного ветерка, который приятным весенним вечером гуляет по двору замка. Мой мир сузился до черной отметки в центре соломенного круга в конце длинного стрельбища, метрах в тридцати от меня. Спина напряжена, как тетива лука, а три пальца, которыми я держу стрелу, так и зудят от желания наконец-то пустить ее в полет. Я готова к выстрелу. Я...

Двустворчатые ворота Внешнего Кольца с грохотом распахиваются, и я вздрагиваю от неожиданности. Тетива срысывается, запуская стрелу в воздух. Проклятье! Она попадает в мишень, но более чем в двух ладонях от черного круга, в

который я метила. Ветры Виркай!

Слышу детский смех и стук лошадиных копыт по булыжнику. О покое во внутреннем дворе замка теперь можно забыть. Это отец с моими братьями вернулся с праздника Звездных кистей.

С досадой опускаю лук.

– Ты не виновата, – пытается утешить меня Кеншин.

Рубен, которому все еще не по себе, когда Кеншин обращается ко мне так фамильярно, бросается, чтобы забрать у меня стрелу, но тот останавливает его:

– Подожди. Вдруг второй выстрел окажется более удачным?

– Надеюсь, мы узнаем об этом по тому, как стрела попадет прямо в цель, – говорю я, но больше не лезу в колчан.

Кеншин – наш первый егерь. В детстве он называл меня госпожой, как и другие слуги. Однако с тех пор, как начал обучать меня стрельбе из лука, Кеншин стал обращаться ко мне более фамильярно. Я не против. Мы достаточно долго пролежали вместе в грязи в ожидании добычи, чтобы не соблюдать этих условностей. Он научил меня стрелять диких уток в полете и куропаток в высокой траве. Обычно я бываю более меткой, чем сегодня.

– Аликс! – Конли соскальзывает с седла и мчится ко мне.

Дафнус бросается следом. Брайант спускается с лошади с чуть большим достоинством. Флетчер, очевидно, спит в объятиях папы. Я больше не злюсь из-за неудачного выстрела и

расплываюсь в улыбке. Что за удивительный ребенок! Скорее всего, они ездили на праздник в Небелауэнталь, и наш птенчик получил слишком много впечатлений от шума и веселья вокруг. А ведь еще утром он капризничал, потому что не желал идти на праздник Звездных кистей. Я хотела отдать лук Кеншину и забрать Флетчера у отца, но меня настигли Конли и Дафнус.

– Аликс! – снова кричит Конли, да так громко, будто я глухая. Его личико покраснелось, глаза блестят от волнения.

– Тише, – говорю я. – Я тебя прекрасно слышу.

– Ну почему ты не поехала с нами? Было так здорово! Правда? Правда же, Дафнус?

Он старается говорить спокойнее, но сегодняшние впечатления льются из него, как горный источник из расщелины. Там были жонглеры. Они натянули веревку между двумя деревьями и танцевали на ней. А еще метали ножи, жонглировали мячами и показывали спектакль – о змее, которая хотела стать королем...

Я с беспокойством поглядываю на папу, который уже успел спешиться. Брайант взял Флетчера на руки, а девушки с конюшни занялись лошадьми.

Конли бодро продолжает:

– Мы ели фрукты в меду, а еще там были танцы, и жареный кабан, и две жрицы Божественных Сестер! Только представь: у них в клетке был Зимний волк!

– Вот это да! Тогда будем надеяться, что он от них не сбежит и не принесет нам мороз, лед и вьюгу. Зимой нам уже хватило.

– Да мы знаем, что это был ненастоящий Зимний волк, – вмешивается Дафнус. – Папа говорит, это просто старый пес, который изображает Зимнего волка. А после представления жрицы выпускают его и дают в награду лакомства. – Оглянувшись, он добавляет: – Правда, Флетчер все равно испугался.

Я не удивлена.

Конли продолжает:

– Я бы тоже хотел дать ему что-нибудь вкусное, даже если это всего лишь собака. Как думаешь, он дал бы мне себя погладить?

Прежде чем я успеваю ответить, он уже тараторит дальше:

– Все фонари были украшены яркими лентами. Ты бы видела, Аликс!

Я бы не отказалась. Небелауэнталь располагается в долине между двумя зелеными холмами. Как поется в одной из песен, они похожи на застывшие волны изумрудного океана. Не сомневаюсь, после этой дождливой весны долина цветет пышнее, чем когда-либо, и озеро Небелауэн на самом юге сияет в лучах полуденного солнца, как драгоценный камень.

Конли крепко обнимает меня, но тут же морщит нос.

– Ты пахнешь конюшней, – говорит он, не выпуская меня из объятий.

Я смеюсь и взъерошиваю ему волосы. У Конли каштановые кудри, как у отца и всех нас, детей семейства Гримхольд. Только братья острижены коротко, а у меня волосы ниже плеч, если не собраны в узел, как сегодня.

– Ну так! Я вообще-то работала целый день, а не лопала сладости и не плела венки.

Конли запрокидывает голову и смотрит на меня:

– Они короновали дочь сапожника и объявили ее Весенней невестой. Тебе бы венец из звездных кистей подошел гораздо больше.

– Мне вообще не нужен венец, – заявляю я и целую его в макушку. – К тому же благородных дам не выбирают в качестве Весенних невест. Праздник Звездных кистей придуман как раз для того, чтобы отдать дань уважения тяжелому труду ремесленников и по праву оценить все, что они делают для графства.

– А почему роль Девы, Несущей Свет всегда достается благородной даме?

– Мы тебе кое-что принесли, – говорит Брайант, и я только сейчас замечаю, что он стоит рядом.

Папа подходит к нам с блаженно спящим Флетчером на руках, и Кеншин с Рубеном склоняются в знак почтения. Брайант протягивает мне мешочек из грубого льна. Какой соблазнительный аромат!

– Праздничный пирог? – с надеждой спрашиваю я и хватаю мешочек.

Брайант кивает.

– Спасибо.

– Для тети мы тоже взяли, – сообщает папа и останавливается рядом со мной.

Его считают очень высоким, но я уже почти касаюсь плечом его плеч.

– Спасибо, – еще раз благодарю я и отдаю мешочек Брайанту. – А не пора бы вам бежать наверх и умываться? Вот-вот стемнеет, а вы еще захотите пожелать спокойной ночи тете Камилле и рассказать о поездке.

Конли и Дафнус закатывают глаза. Умываться им явно не хочется. А вот тетю Камиллу они любят. Брайант со свойственным ему благоразумием серьезно кивает, убирает мешочек с пирогом в карман куртки и собирает младших братьев, чтобы отвести их во дворец, несмотря на их невнятные возражения.

– Мы сейчас подойдем, – заверяет их отец, покрепче обнимая спящего Флетчера.

– Зажжение Весеннего огня прошло без происшествий? – спрашиваю я, когда мальчики скрываются из виду.

– Леди Карисс безукоризненно справилась с ролью Девы, Несущей Свет! – с блеском в глазах отвечает отец.

Весеннюю невесту всегда выбирают из народа, а роль Девы, Несущей Свет, разжигающей факелом большой костер на закате Дня Звездных кистей, традиционно достается благородной даме. Раньше этот ритуал выполняла мама. После

ее смерти Девой, Несущей Свет стала тетьа Камилла. В прошлом году она была уже слишком больна, и когда эта почетная роль досталась мне, костер разгорелся чуть раньше, чем следовало.

– Безукоризненно, – повторяю я за папой. – Не сомневаюсь.

Мне кажется или он немного покраснел? С трудом сохраняю невозмутимый вид:

– Ты что, задумал снова жениться?

Папины глаза расширяются от удивления.

– Нет, – торопливо отвечает он. – Сначала твоя очередь.

– Для этого нужен хотя бы кандидат.

Несмотря на мой непринужденный тон, сердце начинает биться сильнее. Я не хочу выходить замуж, по крайней мере пока. Дочь графа, достигшая брачного возраста, не будет иметь недостатка в претендентах. Но я люблю свою жизнь такой, какая она есть. Мне нравится жить здесь, в замке, с отцом, братьями и тетей Камиллой, и я не хочу ничего менять.

Отец, как всегда, словно читает мои мысли и, слава Божественным Близнецам, не давит на меня. Он лишь окидывает взглядом лук у меня в руке, затем стрелу в мишени и удивленно приподнимает бровь.

– Вы напугали меня, – оправдываюсь я. – Я выпустила стрелу по ошибке. К тому же к новому луку надо еще приноровиться.

Это, кстати, правда. Новый лук немного больше и более тугой, чем старый. Первые несколько раз тетива больно задевала внутреннюю сторону предплечья, хотя с тренировочным луком, который я использовала последние два года, такого давно не случалось. Папа подарил мне большой лук на семнадцатилетие, месяц назад.

– Я пока не привыкла к нему.

– Попробуй еще раз, – предлагает папа, перекладывая Флетчера из левой руки в правую.

Я откидываю голову назад, распрямляю плечи и достаю из колчана новую стрелу. Встаю в правильную позицию: ноги параллельны друг другу, туловище чуть наклонено вперед. Спокойно поднимаю лук и натягиваю тетиву, стараясь держать плечи ровно. Концентрируюсь на цели.

– Старайся дышать животом, – советует папа, как будто я этого не знаю.

Впрочем, он прав. Дышу медленнее и глубже. Все остальное отходит на задний план.

Раз. Два. Пускаю стрелу. Наконечник с приятным глухим стуком вонзается в мишень.

– Очень хорошо, – хвалит папа.

Я снова не попала в центр, но на этот раз стрела оказалась на краю черного круга.

– Как там новый жеребенок? – спрашивает отец по дороге к дворцу.

Я тут же забываю о неудавшемся выстреле и своей досаде:

– Уже намного лучше. Думаю, он выживет.

Я действительно осталась сегодня помогать кухаркам и садовникам, которые проводили работы в саду, но главная причина, по которой я пропустила праздник Звездных кистей, была иной: моя любимая кобыла, Летний Ветерок, родила жеребенка две ночи назад. Поначалу он казался слабым и болезненным, но сейчас постепенно идет на поправку. А еще мне (очень кстати!) удалось избежать необходимости выступить в качестве официального представителя графской семьи.

Отец удовлетворенно улыбается. Боковым зрением вижу, что Флетчер по-прежнему крепко спит у него на руках.

– Это правда, что артисты показывали спектакль о Змеином короле?

От беспокойства у меня во рту появляется горький привкус. Папина улыбка исчезает.

– Я с ними серьезно поговорил.

– Я беспокоюсь не об артистах.

– Я поговорю и с твоими братьями, прямо с утра.

– Мне... – начинаю я, но отец не хочет дальше слушать:

– Я позабочусь об этом. Я и так слишком обременяю вас с тетей.

– О чем был спектакль?

– Аликс.

– Папа.

Он тяжело вздыхает:

– Сказка, басня. Ничего больше.

Я упрямо молчу, и отец нехотя продолжает:

– Однажды утром верховный канцлер обнаружил, что на королевском троне уютно устроился змей. Змей требует, чтобы его короновали, и вонзает ядовитые клыки в каждого, кто пытается снять его с трона.

– Не припомню такой сказки, – мрачно замечаю я, поднимаясь на высокую ступень лестницы, ведущей в замок. Камень под ногой шатается. – А что, если в народе пойдут толки?

– Гримхольды не дураки, – успокаивает отец. – Да и король очень далеко.

– Не так уж и далеко. Днем приходил королевский гонец, принес тебе письмо.

Отец замирает.

– Королевский гонец? Сегодня? Я не ждал вестей раньше следующей недели.

– Он прибыл вскоре после вашего отъезда. Я даже думала, вы встретились на Большой Западной улице.

– Дафнус захотел поехать через дубовую рощу. Где он сейчас?

– Гонец? Он сразу уехал. Хотел как можно скорее добраться до Воронова ущелья с посланием для герцогини.

Отцу это явно не нравится. Письмо от нового короля, да еще и неожиданно... Это явно не к добру.

– Я положила письмо тебе на письменный стол.

Подставляю руки, чтобы перехватить спящего Флетчера. Папа кивает и передает мне брата. Флетчер как-то потяжелел, пока ходил смотреть на Зимнего волка.

Отец направляется к астрономической башне. В свободное время он больше всего любит наблюдать за звездами, поэтому обустроил свой кабинет именно там, прямо под крышей.

– Ты читала письмо? – спрашивает он.

– Конечно, нет.

– Зайди потом ко мне, когда отнесешь Гнома в кровать.

Поговорим.

– Гномом его скоро не назовешь, – отвечаю я, стараясь сохранить легкий тон, хотя мне совсем не весело. – Тяжеленький уже стал.

– Давай я, – предлагает папа, но я качаю головой:

– Я справлюсь. Лучше прочитай письмо.

Отец гладит меня по щеке согнутым пальцем.

Я пытаюсь выглядеть оптимистично, но вымученная улыбка угасает, как огонек свечи на ветру.

– Мало ли, вдруг там хорошие новости.

Мне хочется успокоить нас обоих, но, поднимаясь по лестнице в спальню, я всю дорогу возвращаюсь мыслями к спектаклю на празднике Звездных кистей. Никакая это не сказка. У нашего нового короля действительно ядовитые клыки. До сих пор он свирепствовал только в столице. И нам всем будет лучше, если Гримхольд не станет привлекать лишнего

внимания с его стороны.

2

Змеиный король

Никто в Торренфелле не любит короля, который вступил на престол почти год назад. Ни придворные, ни простой народ. Те, кто не боится, с презрением относятся к его капризам и ненавидят за высокомерие. Однако коронация короля Гидеона не была бы столь трагичной, если бы его предшественник, регент Карг, не пользовался всеобщим уважением. По правде говоря, вся страна тайно надеялась, что трон унаследует сын Карга. Тем не менее прошлой весной наш регент скончался от неизвестной болезни, а его сын на тот момент был едва ли старше Брайанта. Так Гидеон Даркенфаль стал законным претендентом на престол.

Он происходил из древней королевской династии. Когда-то его прапрадед объединил Торренмарк и Штурмфелл в одно могущественное государство, в котором сейчас живем все мы, а его дед защищал побережье Торренфелла от вторжения воинственных северян. Однако среди предков короля Гидеона, к несчастью, числилась и Элдрет Серпентис: его мать была ведьмой. Это стало известно, когда он был еще маленьким мальчиком, восьми-девяти лет, точно не знаю. И тогда ее сожгли на костре. Как говорится, «очищение огнем». С матерью сожгли и его сестер.

По мнению некоторых, мальчика также следовало предать огню. Однако король, который, если верить досужим слухам, невозмутимо наблюдал за сожжением жены и двух дочерей, не позволил тронуть наследника. А всего через полгода после этих событий он неожиданно скончался. Так Гидеон был отправлен к одному из доверенных лиц отца в деревню, и Карги стали править страной от его имени. Тогда меня еще не было на свете; с тех пор минуло двадцать лет. Мама еще жила в столице, но ее уже нет в живых, а отец отказывается говорить о прошлом. Однако со слов тети Камиллы мне известно, что он причастен к обвинению королевы в колдовстве.

Порой я задаюсь вопросом, почему всех так поразила коронация Гидеона в прошлом году. Неужели за долгие годы все забыли о его существовании? Или думали, что он еще не скоро взойдет на трон? Или верили, что он уже не заявит о своем праве на престол, если не объявился в столице сразу после совершеннолетия? Ведь с тех пор уже минуло несколько лет. А вдруг среди аристократов в высших кругах по-прежнему есть те, кто готов его поддержать?

Прошлым летом ходили слухи, что смертельная болезнь регента Карга вовсе не превратность судьбы. Однако Гидеон Даркенфаль быстро заставил всех замолчать или, по крайней мере, обсуждать подобные предположения лишь вполголоса и в кругу доверенных лиц. За несколько недель он отправил в отставку всех советников старого регента и назначил на

вакантные должности своих приближенных. Новый король заткнул рот всем критикам, запрятал в темницы так называемых «клеветников» и отправил на плаху «врагов». Множество аристократов разного возраста, регулярно бывавших при дворе, неожиданно ушли из жизни. С тех пор отец всячески избегает столицу. Теперь он отправляется туда только тогда, когда избежать визита невозможно. Народ Торренфелла ненавидит нового короля. Все боятся змеиного яда.

Мне очень любопытно, что там в письме. Надеюсь, Гидеон Даркенфаль не собирается обратить свой немилосердный взор на нашу семью.

Уложив Флетчера в кровать, я купаюсь и переодеваюсь в чистое. Убираю юбку и пропотевшую льняную рубашку в корзину из ивовых прутьев, которая стоит у двери, чтобы слуга мог с утра отнести белье в прачечную. Ставлю рядом кожаные ботинки со шнурками. Колчан и лук прячу в деревянный сундук с орнаментом, стоящий у моей кровати. Брайант оставил на нем мешочек с праздничным пирогом.

Моя комната значительно меньше, чем у братьев. Здесь так тесно, что едва можно пройти между стеной и кроватью. Единственный источник света – крошечное окошко; чтобы открыть его, приходится забираться в изголовье кровати. Зато эта комната только моя, я ни с кем ее не делю, разве что с Молли, одной из многочисленных мышеловок нашей крепости. Ради этого я готова смириться даже с отсутствием печи.

Молли и сейчас здесь. Наверное, Брайант запустил. Она

свернула калачиком на кровати и наблюдает за мной из-под полуприкрытых век. Позволяю себе на минутку прилечь рядом, погладить ее мягкую теплую шерстку и послушать ее мурлыканье. Глядя в потолок, я продолжаю спрашивать себя, чего же хочет от нас Змеиный король.

Встаю с кровати, чтобы пожелать братьям спокойной ночи. Мама не пропускала ни одного дня. С тех пор как ее не стало, эту традицию поддерживаю я. На самом деле в одной комнате должны были спать Брайант и Конли, а в другой Дафнус и Флетчер, но, поскольку средние братья у нас не разлей вода, они заняли одну спальню, а вторая досталась Брайанту и Флетчеру.

Сначала иду к нашим сорванцам. Они все еще перевозбуждены после праздника Звездных кистей, и не сразу получается уговорить их залезть под одеяло. Не сомневаюсь, они снова выберутся наружу, как только я выйду из комнаты. Стучу в дверь напротив и жду. В конце концов, Брайант уже не маленький. Не дождавшись ответа, приоткрываю дверь и заглядываю в щелку. В комнате темно. Странно, обычно Брайант любит почитать перед сном. Однако сегодня маленькая масляная лампа, подвешенная на одном из четырех массивных столбов кровати, не горит и внушительный том из папиной библиотеки лежит на прикроватной тумбе. Флетчер безмятежно спит в своей кроватке, посасывая палец. Брайанта нет.

Я обнаруживаю его в домовом храме. Он сидит на бар-

хатной подушке в нише Божественных Сестер и смотрит на фреску, изображающую Виркай и Миркай, которые заманивают в клетку Зимнего волка.

– Разве ты не устал? – спрашиваю я, подходя ближе.

– А ты знала, что однажды они поймали настоящего волка? – спрашивает он, не ответив на мой вопрос.

– Для праздника Звездных кистей? Чтобы он изображал Зимнего волка?

Брайант кивает:

– Его принесли в жертву Виркай.

– Это, наверное, было очень давно, – отвечаю я.

В столице больше почитают других богов – Кацирка, повелителя всех богов, его сына Адора-целителя и Лиарнн, богиню торговли. А вот Гримхольд живет за счет сельского хозяйства, животноводства и торговли древесиной, поэтому мы поклоняемся прежде всего Божественным Близнецам, Виркай и Миркай. Они отвечают за смену времен года: Миркай – Поющая Садовница, дарующая земле новую жизнь. Благодаря ей растут и расцветают все растения. А ее сестра Виркай – Молчаливая Охотница, которая сторожит Зимнего волка. Осенью ему все же удается сбежать из клетки, и тогда мир покрывается снегом и льдом. Виркай отправляется на охоту и не останавливается, пока снова не загонит Зимнего волка в клетку, которую Миркай мастерит из дерева. И так по кругу. Праздник Звездных кистей символизирует очередное заключение Зимнего волка в клетку, поэтому для нас это

самый важный день в году.

– А бывало ли когда-нибудь, чтобы Близнецам не удалось поймать волка? – любопытствует Брайант.

Я беру бархатную подушку и устраиваюсь рядом.

– Тетя Камилла рассказывала, что однажды, когда она была совсем маленькой, снег шел до июня и мороз уничтожил почки всех растений. Был очень голодный год. Она говорит, оракулы утверждали, что люди прогневали Божественных Сестер.

– И тогда они принесли в жертву волка, чтобы умили-вить их?

– Мы больше не приносим в жертву живых существ. С тех пор как Торренмарк и Штурмфелл стали одной страной.

– На празднике Звездных кистей сказали, что король Гидеон поклоняется...

– Завтра папа поговорит с вами о короле, – перебиваю я, хотя, возможно, не стоило реагировать так резко. Здесь, в часовне, нас вряд ли будут подслушивать. Смягчившись, я добавляю: – И о представлении, которое показывали уличные артисты. С собакой, которую привели жрицы, ничего не случится, не волнуйся.

– Да я знаю, – говорит Брайант, прислоняясь ко мне плечом. – Но вообще лучше было остаться с тобой в крепости.

Я обнимаю брата:

– Ты – наследник Гримхольда. Тебе важно быть на виду хотя бы время от времени. Тем более на празднике Звездных

кистей.

– Я знаю, – обреченно отзывается Брайант.

– Ты же не можешь все время торчать в комнате, уткнувшись носом в книги.

– Я знаю, – повторяет он и так горестно вздыхает, как будто именно это печалит его больше всего.

Мне немного совестно напоминать ему об этом, ведь я сама сделала все, чтобы не появляться сегодня на публике.

– Кроме того, – говорю я, пытаюсь приободрить Брайанта, – мне никто не привез бы праздничный пирог, если бы ты не поехал со всеми. Твоим братьям это даже в голову не пришло бы.

Брайант тихонько усмехается:

– Это уж точно. Кстати, Конли и Дафнус сегодня чуть не утопили мельничиху в озере Небелауэн.

– Как они умудрились?

Брайант начинает свой рассказ, и я забываю, что сижу с ним в часовне, в нише Божественных Сестер. На мгновение забываю даже о своих тревогах.

Примерно через час наконец выхожу во двор и направляюсь к астрономической башне. Уже совсем темно. Небо ясное, самая подходящая погода для наблюдений за звездами. Однако тягостное предчувствие подсказывает мне, что отец даже не подходил к телескопу в этот вечер.

– Госпожа, – слышу я мужской голос.

Человек появляется из тени так неожиданно, что мне ед-

ва удается справиться с собой и не вздрогнуть. Он снимает шляпу, и я узнаю его.

– Микал! Так поздно, а ты не спишь!

– Да, госпожа, – отвечает он и смущенно мнет поля шляпы. – Пастбища за замком почти выпасены. Мне придется перевести овец в другое место не позднее чем послезавтра.

– На восток?

– Берка хочет перегнать туда коров.

– Значит, на север?

Он смотрит на меня, как бы ожидая решения. Я ободряюще улыбаюсь.

– На север, Микал, – утвердительно повторяю я.

– Благодарю, госпожа.

Микал с облегчением надевает помятую шляпу и уходит.

Кабинет отца находится на пятом, верхнем этаже астрономической башни, поэтому я останавливаюсь на последней ступеньке, чтобы перевести дух. Папа говорит, что благодаря утомительному подъему по лестнице его не беспокоят по пустякам. Стучу в дверь.

– Александра? – раздается папин голос, и я вхожу в кабинет.

– Садись. – Он указывает на скрипучий деревянный стул у письменного стола.

Здесь, как всегда, разложены логарифмические линейки, пергамент, сургучные печати, чернильницы и, конечно же, папина любимая астролябия. Правда, сегодня отец не сидит

над альманахом, а толкает из стороны в сторону бронзовый кубок. Перед ним бутылка вина и тарелка с щедрым куском копченого окорока, источающего пряный аромат. А справа – распечатанное письмо короля. Кажется, мне больше не хочется узнать его содержание.

– Может, я завтра зайду? – с надеждой спрашиваю у отца.

Он выпрямляется в кресле:

– Лучше покончить с этим сразу.

Звучит пугающе. Видимо, речь не о повышении налогов. Неужели король Гидеон решил вернуть крепостное право? Слухи об этом ходят еще с прошлой зимы.

К горлу подступает комок.

– Что там? – кашлянув, спрашиваю я.

Отец молча придвигает плотно исписанный пергамент и отворачивается, чтобы достать с полки еще один кубок и налить мне белого вина, пока я буду читать послание короля.

Письмо начинается так: *«Высокородному и достопочтенному графу Гримхольду. С искренней теплотой обращаюсь к Вам с просьбой о поддержке в деле возрождения нашей страны»*. Едва сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть. Торренфелл и так не знает бед. По крайней мере, не знал, пока Змеиный король не выполз из изгнания.

– Скоро будет не до смеха, – предупреждает отец.

«Сегодня я обращаюсь к Вам не только как король, но и как ответственный слуга своего народа». Продолжая чтение, чувствую на себе пристальный взгляд отца. *«Я реши-*

тельно настроен связать себя узами брака до наступления зимы».

Живот сжал спазм.

«Я хочу покончить со своим одиночеством и подарить своему народу королеву, которой он достоин». Он же не может... Он не хочет... «Чтобы осуществить это намерение, я планирую беспрецедентное торжество, на которое приглашаются все незамужние, достигшие брачного возраста дочери господ благородного происхождения, живущие в пределах моих границ». Нет! «Их ожидают невиданные по масштабу и великолепию смотрины. Я с нетерпением предвкушаю знакомство с Вашей дочерью, о которой уже слышал много хвалебных слов».

Запах копченого окорока неожиданно стал таким резким, что живот скрутило от боли.

«Несомненно, ее изящество и характер привлекут всеобщее внимание». Я, конечно, разочарую его в этом отношении. «Я ожидаю, что Вы как верный слуга короны, которым Вы, несомненно, являетесь, отправите Вашу дочь в столицу не позднее ближайших десяти ночей. В последний день месяца Звездных кистей она будет танцевать на Звездном балу». Танцевать! «С надеждой на тесную дружбу и уверенность в Вашей мудрости, я прощаюсь.

Гидеон I. Король Торренфелла».

В отличие от остальной части послания последние строки написаны елово-зелеными чернилами. Буквы расположе-

ны плотно, но при этом выведены с размахом, говорящим о непомерном тщеславии.

Дрожащей рукой откладываю пергамент в сторону:

– Это шутка?

Отец подталкивает ко мне кубок:

– Король Гидеон не отличается чувством юмора.

Молча отпиваю большой глоток. Отец никуда не торопится; я жду, пока подействует вино. Мне все равно, успокоит оно меня или опьянит. Делаю второй глоток.

– Что ты собираешься делать? – наконец спрашивает он.

– Я?

– Решение зависит только от тебя.

С ненавистью гляжу на письмо:

– Непохоже, чтобы король предоставлял мне выбор.

– «Все незамужние, достигшие брачного возраста дочери господ благородного происхождения», – цитирует отец. – Мы можем послать гонца в Вороново ущелье.

Я удивленно моргаю, совершенно ошеломленная таким поворотом.

– Я знаю, тебе не нравится скалистое побережье и ты видела сына герцогини всего раз или два...

– Ты хочешь выдать меня замуж за наследника Воронова ущелья?

– Только если ты не возражаешь, – тут же заверяет отец.

Пора выпить еще глоточек.

– Ты всегда говорил, что герцогиня не любит нашу семью.

С чего же она должна благословить мой брак с ее сыном? Он-то небось достоин лучшей супруги.

– Ты недооцениваешь себя, дитя мое.

– Ты знаешь, что я имею в виду. У герцогини...

– ...как и у меня, есть незамужняя дочь подходящего возраста. Я могу предложить обручить ее с одним из твоих братьев.

– Что?

– Скорее всего, не с Брайантом. Герцогиня ни за что не отправит ни одного из своих детей в Гримхольд.

– Конли всего одиннадцать. А Дафнусу десять!

Отец тянется через стол и сжимает мою руку.

– Я искренне любил твою мать, Александра. Но когда наши родители поженили нас, мы даже не знали друг друга. Все мы – кузнецы своего счастья.

– И все же для брака нужны двое. А Вороново ущелье... – Я умолкаю, не закончив фразу, и, высвободив руку, обхватываю живот. Теперь он болит еще сильнее.

– Я не буду тебя ни к чему принуждать, – тут же заверяет отец. – Но имей в виду: суровое побережье все же лучше, чем змеиная яма при королевском дворе.

На мгновение наступает тишина.

– Ты считаешь, мне не стоит ехать, – заключаю я.

– Я этого не говорил.

– Король Гидеон все равно никогда не выберет меня.

Отец встает, обходит стол и останавливается позади меня.

Осторожно положив руки мне на плечи, он произносит:

– Ты стала очень красивой девушкой.

Внутри все мучительно сжимается. Я знаю, как выгляжу в бронзовых зеркалах. Я слишком высока для женщины, у меня нет изящества даже нашей кухарки Гризель и уж тем более красоты дочери главного конюха. А о глазах и говорить не хочется.

– Ты считаешь так, потому что ты мой папа, – глухо отзываюсь я.

– Нет, Аликс, – возражает он. – Я серьезно.

– В любом случае я не хочу выходить замуж за сына герцогини, – быстро говорю я, чтобы сменить тему. – Но и представляться ко двору тоже не желаю.

Отец чуть сжимает мне плечи:

– Мне и самому все это не нравится, но нужно выбрать один из двух вариантов.

– Я могу уйти в монастырь Божественных Сестер, – возражаю я, хотя и сама понимаю, что это чепуха. – Или мы можем сообщить, что я нездорова.

Правда, меня видел гонец. Я приняла письмо, и он знает, кто я такая. Кровь приливает к лицу, но я продолжаю:

– Может, скажем, что я не свободна?

Отец ошеломленно отступает:

– Это разрушит твою репутацию.

– Ну и что? Я все равно не хочу уезжать отсюда.

Теперь нужно выпить ему. Отец тяжело вздыхает и, по-

дойдя к окну, вглядывается в темноту.

– Утро вечера мудренее, – наконец говорит он. – Ложись спать, Аликс. Может быть, придумаем что-нибудь к завтрашнему дню.

Я обнимаю отца и возвращаюсь к себе. Уверена, что он не хуже меня знает, что сегодня нам вряд ли удастся уснуть.

3

Тетя Камилла

Просыпаюсь поздно. Солнце ярко освещает комнату и явно не собирается давать мне дальше спать. Чувствую себя очень уставшей. Я провела половину ночи, ворочаясь с боку на бок, а когда все-таки задремала, меня мучили сумбурные сны. Наконец, проморгавшись, сажусь на кровати и замечая Молли. Она сидит в ногах и наблюдает за мной, склонив голову. Я протягиваю руку, и кошка прижимается ко мне, чтобы я ее погладила.

– Молли, Молли, – бормочу я. – Что же мне делать?

«Для начала встать», – видимо, решает кошка. Она еще раз утыкается головой мне в ладонь, а затем спрыгивает с кровати, подбегает к двери и оглядывается на меня.

– Ты хочешь выйти?

Выпустив кошку, снимаю ночную рубашку и достаю из сундука свежую одежду. Плетеная корзина для стирки пуста. Кто-то из слуг уже отнес вещи прачкам. Отправляюсь на замковую кухню, где Хрис, наш повар, с отеческой улыбкой протягивает мне тарелку овсяной каши. Желудок урчит от радостного предвкушения: повар добавил в кашу щедрую ложку ревеневого пюре с приятным кисловатым ароматом.

– Спасибо.

– Не выпалась? – спрашивает он, заглядывая через плечо своим помощникам, которые замешивают тесто для хлеба и нарезают овощи.

Я бормочу нечто невразумительное.

– Можешь дать еще одно блюдо с пюре? – спрашиваю я Хриса после того, как он отправляет одного из своих трудолюбивых помощников в кладовку за овечьим сыром.

– Настолько голодная? – спрашивает повар.

– Для тети Камиллы, – объясняю я. – Может быть, это пробудит ее аппетит.

– Я уже велел отнести ей порцию вскоре после восхода солнца.

– Она проснулась так рано?

– Она отправила Вароник в кладовую за маковым соком еще до первых петухов, – мрачно отвечает Хрис.

Аппетит мгновенно улетучивается. Хрис подходит ко мне и усаживает обратно на скамью.

– Кажется, ей уже гораздо лучше. Ешь кашу, а то будет мало сил!

Он знает о письме Змеиноного короля? Я пытаюсь понять что-либо по выражению его лица, но, даже если Хрису уже известно, он не подает виду. Я быстро поглощаю свой завтрак и, поблагодарив повара, выбегаю из кухни, не дождавшись второй порции каши.

Комната тети Камиллы находится в труднодоступной части замка. Внешняя стена граничит с утесом, поэтому даже

в летние дни здесь довольно мало света. Однако тетя лежит в постели, завернувшись в одеяло, несмотря на весеннее тепло, совсем по другой причине. Она встречает меня полулежа на кровати, у нее под глазами темные круги. Но она улыбается и делает вид, будто с ней все в порядке.

– Будь добра, принеси мне чаю, – просит она девочку, которая, сидя рядом с ней на стуле, вышивает.

Девочка вскакивает и откладывает рукоделие. Проходя мимо меня к выходу, делает небольшой поклон. Это племянница Хриса, она начала работать в замке несколько недель назад.

– Как ты сегодня? – спрашиваю я, как только девочка закрывает за собой дверь.

– Хорошо.

Это, конечно же, ложь. Я хочу ответить, но тетя Камилла поднимает руку, останавливая меня.

– Король пригласил тебя ко двору, – говорит она.

– Ты уже знаешь?

– Твой отец заходил ко мне с утра.

Я снова ощущаю тревогу, овладевшую мной со вчерашнего вечера, только теперь вдобавок переживаю за тетю.

– Что мне делать?

– Ты еще спрашиваешь? Это приглашение короля. Конечно, надо ехать.

– Но ты ведь знаешь, что о нем говорят!

– Ну, он же не откусит тебе голову. Это королевские смот-

рины. Что там может случиться? В Вороново ущелье ты, как я понимаю, точно не хочешь.

Об этом отец уже тоже рассказал.

– Я вообще никуда не хочу, – с досадой отвечаю я. – Почему нельзя просто оставить все как есть?

– Глупости. Ты – дочь графа. Рано или поздно тебе придется покинуть дом.

– Все равно король не выберет меня.

Тетя Камилла качает головой, будто я сказала невероятную глупость.

– Речь совсем не об этом. На смотринах соберутся самые знатные незамужние девицы. А на балу, уж будь уверена, десятки молодых людей самого благородного происхождения. Это отличная возможность завести полезные связи и друзей.

– Зачем?

Тетя прищуривается:

– Зачем? Потому что так положено.

– Но ты прожила всю жизнь здесь, – возражаю я.

Тетя Камилла похлопывает по одеялу рядом с собой, и я сажусь на кровать. Взяв ее за руку, с тревогой отмечаю, насколько она холодна.

– Девочка сейчас принесет чай, – говорит тетя, в очередной раз прочитав мои мысли.

Неужели по мне так легко понять, о чем я думаю? Придется поработать над этим, когда поеду в столицу. Эта мысль приводит меня в ужас, как будто мой отъезд – решенный во-

прос.

– Твой отец не всегда будет графом Гримхольда, – замечает тетя Камилла. – Рано или поздно он передаст титул Брайанту. И однажды наступит день, когда тот вступит в брак, – продолжает она, поглаживая меня по руке. – Тебе будет непросто, Аликс, если ты по-прежнему будешь здесь. В замке может быть только одна госпожа.

– Я знаю, что меня ждет, – отвечаю я рассеянно.

Она сочувственно улыбается:

– Думаешь, после стольких лет, когда ты заботилась о братьях и помогала отцу управлять крепостью и землями, тебе будет легко молчать, когда другая станет принимать решения, с которыми ты, возможно, будешь не согласна?

Я смотрю тете в глаза. Она много лет жила под одной крышей с моей мамой, и у меня складывалось впечатление, что они отлично ладят.

Тетя Камилла снова угадывает мои мысли:

– Я очень, очень любила твою мать, Аликс, и ты это знаешь. Мы стали подругами еще до того, как она вышла замуж за твоего отца, и Молчаливая Охотница не даст солгать – мы все скорбим, что она слишком рано покинула нас. Тем не менее нам обоим зачастую было непросто договориться. Мне не всегда нравились ее решения по поводу замка, а ее раздражало, когда повар и управляющая конюшней в первую очередь обращались ко мне, а твой отец никак на это не реагировал. Думаешь, тебе понравится, когда чужая женщина

начнет управлять всем, что раньше было в твоём ведении?

Я опускаю голову, избегая ее взгляда. Конечно, она права. Что я почувствую, когда Микал спросит не меня, а мою невестку, на какое пастбище гнать скот?

– Когда думаешь о приглашении, на ум приходит только то, что люди говорят о короле, – продолжает тетя. – Но поездка в столицу – прекрасная возможность открыть для себя мир. На местных рынках ты найдешь товары отовсюду: шелка с Жемчужных островов и самые вкусные деликатесы с Востока. Люди там совсем не такие, как здесь, на севере. Ты даже не представляешь, Аликс. Мир может дать тебе гораздо больше, чем это маленькое графство.

– Тогда почему ты не осталась в столице?

Тетя Камилла прожила там несколько лет, не больше. Когда отец женился на моей матери, она вернулась в Гримхольд вместе с ними.

Блеск в ее глазах гаснет, и тетя убирает руку.

– Подойди к комоду и открой нижний ящик.

Я хмурюсь, но встаю и выполняю ее просьбу. Комод сделан из промасленного вишневого дерева; над ручками каждого ящика выгравированы лунные цветы – геральдический символ моей семьи. Мне приходится приложить усилия, чтобы открыть ящик, потому что внутри что-то заклинило.

– Поторопись, – призывает тетя Камилла, – пока племянница Хриса не вернулась с чаем.

Я замечаю темный льняной шарф, на котором вышит узор

из роз цвета сливочного масла. Рядом с ним коробочка с заколками, маленькое ручное зеркальце тети Камиллы, мешочек из красного бархата и еще один из темной кожи, а также старый, потрепанный молитвослов.

– Под шарфом, – подсказывает тетя.

Я приподнимаю шаль. Такая нежная ткань и искусная вышивка... Я никогда не видела его на тете Камилле, даже по большим праздникам. Под шалью обнаруживается крохотная бутылочка с пурпурной жидкостью, запечатанная воском. Я беру ее в руки и, обернувшись, испытующе смотрю на тетю:

– Опять это?!

– Ты знаешь, что это? – спокойно спрашивает она.

Я киваю и прочищаю горло, прежде чем ответить:

– Я просто не думала, что у тебя есть еще.

Тетя Камилла тихонько усмехается:

– Не для меня. На случай, если... Если у тебя с юным Никласом ничего не выйдет...

Она замолкает, а у меня начинают гореть уши. Графские дочери не выходят замуж по любви. И родители, и тетя Камилла озаботились тем, чтобы у меня с ранних лет не было никаких иллюзий на этот счет. Однако это вовсе не значит, что мы не можем влюбиться. Со мной такое уже бывало: однажды я влюбилась в Ника, сына нашей медницы. Это еще одна причина, по которой я не захотела появляться на празднике Звездных кистей. Кеншин рассказал, что Ник обручил-

ся с девушкой из деревни.

Мы перестали общаться несколько месяцев назад, и, по правде говоря, между нами не было ничего, кроме томных взглядов, двусмысленных слов и нескольких тайных поцелуев за конюшней. И все же мне не хотелось видеть, как Ник прыгает со своей невестой через костер на празднике Звездных кистей. Прошлой осенью, когда тетя Камилла узнала о нас с Ником, она сунула мне в руки точно такую же бутылочку и велела выпить ее, если я буду продолжать с ним отношения.

Тогда, помню, у меня тоже горели уши. Я взяла пузырек на всякий случай, хотя мне это было ни к чему. Несмотря на влюбленность, я не собиралась заходить слишком далеко, зная, что если проявить неосмотрительность, то можно столкнуться с последствиями. А учитывая, как быстро Ник переключился с меня на свою невесту, это было весьма разумным решением.

С другой стороны, если бы я позволила ему залезть под юбку, мне, возможно, не пришлось бы сейчас принимать приглашение короля. Возвращаясь к тете Камилле с пузырьком в руке, я представляю, как все могло сложиться. Нет, я больше не вижу себя ни возлюбленной Ника, ни придворной дамой.

– Возьми с собой в столицу, – советует тетя Камилла.

– Тетя!

– Ты уже не маленькая.

– У меня еще осталась первая бутылочка.

– Тем лучше. Значит, будет две.

Я, честно сказать, поражена:

– Какого ты обо мне мнения?

Тетя ласково улыбается:

– Ах, Александра! Возможно, они тебе и не пригодятся.

Но лучше проявить излишнюю осмотрительность, чем полагаться на случай.

Я нехотя убираю пузырек в карман юбки и снова сажусь рядом:

– Как же я справлюсь при дворе без тебя?

Тетя Камилла задумывается:

– Я напишу старой подруге. Попрошу ее взять тебя под свое крыло.

Впрочем, у меня, по правде говоря, нет выбора. Хватит делать вид, будто это не так.

Возвращается девочка с горячим чаем, и я прощаюсь с тетей, пообещав навестить ее после обеда вместе с Флетчером. Мне будет очень непросто оставить ее в Гримхольде. Болезнь все безжалостнее смыкает вокруг нее свои когти.

– Аликс, – окликает меня тетя напоследок.

– Да?

– Олимпия, конечно, поможет тебе. Но при дворе все иначе, чем здесь. Не все... говорят то, что думают на самом деле. Доверяй своему чутью. И не бойся принимать собственные решения.

Еще до обеда я сообщаю отцу, что принимаю приглашение короля.

4

Прибытие в Торренштадт

Следующие дни пролетают в бесконечных приготовлениях. Горничные окантовывают и украшают вышивкой платья и пакуют сундуки. Отец велит перешить мамино бальное платье. Я даже помню тот Праздник середины лета, когда она его надевала. Мама была ниже меня ростом, поэтому портнихе придется немного подогнать платье. Так странно ощущать его на своей коже. Я все равно не собираюсь носить это при дворе, но папа настаивает, чтобы я взяла платье с собой. Тетя Камилла уже написала леди Олимпии и сообщила мои мерки, чтобы портные могли пошить мне два платья, соответствующие нынешней моде. Папа тоже пишет много писем. Он не поедет со мной.

Через пять дней после получения королевского приглашения я отправляюсь ко двору. Меня сопровождают только Кеншин и Рубен, не считая кучера с сыном. Вообще-то мне не полагается ехать верхом, но я умру от скуки, сидя в экипаже среди горы вещей. В конце концов мне удастся уговорить Кеншина составить ему компанию на несколько часов. Я сажусь на одну из грузовых лошадей, а ее ноша отправляется вместо меня в экипаж. А на второй вечер Кеншин даже разрешает пострелять из его лука (мой пришлось оставить

дома).

– Покажи им там при дворе, что не все северяне дикари, – напутствовал отец напоследок.

Честно говоря, мысль о тесных корсетах, неудобных танцевальных туфлях и десятках шпилек в волосах совсем не радует.

Ранним утром третьего дня мы добираемся до Торрештадта. Мне говорили, что там все масштабнее и роскошнее, и я действительно по-настоящему впечатлена: мощные городские стены из темного, почти черного камня уходят в небо. Сторожевые башни по обе стороны от ворот кажутся еще выше. Наверное, с них видно полстраны. Яркие знамена колышутся на ветру, который дует с самого утра и должен быть значительно сильнее там, наверху.

Улицы города вымощены камнем и такие широкие, что экипаж может беспрепятственно ехать по ним. На тротуарах толпится народ, и гомон толпы смешивается с лаем собак, скрипом колес и криками торговцев, превращаясь в какофонию, которая обрушивается на меня, как вода после нырка.

Куда ни посмотри, везде разноцветные одежды, упряжки лошадей и повозки. Пахнет свежеиспеченным хлебом, жареным мясом, потом, цветами и конскими яблоками. Это изобилие запахов переносится едва ли не тяжелее, чем шум. На нас почти никто не обращает внимания. Когда отец идет с нами по деревне, с нас буквально не спускают глаз, а здесь наш экипаж лишь один из многих.

Тетя Камилла, которая знает меня как облупленную, настоятельно рекомендовала по крайней мере не ехать верхом до дома ее подруги. Меня, конечно, не очень привлекала идея провести последнее утро на свободе, теснясь в душном экипаже, но теперь я понимаю, что это было мудрое решение. Торренштадт – не Гримхольд, и вряд ли я смогу явиться к леди Олимпии в охотничьих штанах и льняной рубашке. Правда, мысль о том, что это может дойти до сведения короля Гидеона, кажется весьма соблазнительной. Возможно, узнав о моем появлении в таком неподобающем виде, он немедленно отправит меня домой.

Я припадаю к окошку экипажа и с любопытством разглядываю суесящихся горожан и роскошные здания. Слов не хватит, чтобы передать всю эту красоту! Мы проезжаем мимо храма, который кажется мне почти таким же большим, как наша крепость. Оттуда выходят две благородные дамы, чьи платья, несмотря на жаркую погоду, оторочены мехом. У ворот храма стоит зеленщица с товаром, но они не обращают на нее никакого внимания.

Мы въезжаем в каштановую аллею примерно около третьего часа пополудни. Деревья в самом цвету; ярко-зеленая листва и белые свечи каштанов надежно скрывают имение от моих любопытных глаз. Лишь когда кучер останавливается у фиолетовых железных ворот, я понимаю, что подруга тети Камиллы, леди Олимпия, видимо, важный человек. Ее усадьба кажется огромной. Вероятно, она очень состоятель-

ная и, скорее всего, влиятельная особа. Меня это немного удивляет, потому что раньше я ничего о ней не слышала.

После разговора с Кеншином стражи в фиолетовых лифрах – того же оттенка, что и кованые ворота, – заглядывают в карету и, кивнув, пропускают нас дальше. Хотя мы находимся в самом центре крупнейшего города королевства, нам приходится проделать довольно долгий путь, прежде чем мы останавливаемся перед роскошной виллой, выкрашенной все в тот же фиолетовый цвет. Я невольно хмурюсь. Какая из благородных семей Торренфелла добровольно согласится взять этот цвет для фамильной символики?

По обе стороны от парадного крыльца стоят две светлые статуи обнаженных женщин. Одна из них держит в руке лук, на плече – колчан со стрелами. Она гордо поднимает голову; лицо женщины сурово, словно она в любой момент готова дать смотрящему отпор. Должно быть, это Виркай, Молчаливая Охотница, потому что вторая статуя держит в руках пышный букет растений, прикрывающий ее наготу: Миркай, Поющая Садовница. В ее лице есть что-то странно знакомое, но, прежде чем я успеваю присмотреться, дверь открывается, и на порог выходит служанка.

Кеншин открывает дверцу кареты и протягивает мне руку. Я быстро оправляю юбку и с его помощью выбираюсь из этой тюрьмы на колесах. Наконец-то!

Солнце приятно греет кожу, и на мгновение я позволяю себе зажмуриться и собраться с силами. Я бы с удовольстви-

ем размялась, сняла туфли и скрылась бы где-нибудь за фигурными кустарниками справа от нас, но тут ко мне с приветливой улыбкой обращается горничная:

– Добро пожаловать, леди Гримхольд!

– Благодарю, – искренне отвечаю я. – Леди Олимпия ожидает меня?

– Конечно, – подтверждает горничная. – Проходите, пожалуйста. Томак!

Из тени выходит маленький мальчик. На нем белая рубашка с накрахмаленным воротником и брюки фиолетового цвета. Он смотрит на меня так серьезно и важно, что я не в силах сдержать улыбку. Конли и Дафнусу следовало бы взять с него пример.

– Проводи слуг леди Гримхольд, пожалуйста, – наставляет служанка.

Томак кивает.

– Большое спасибо, – обращаюсь я к мальчику и, оглянувшись на Кеншина и Рубена, следуя за служанкой в дом.

Со сводчатого потолка свисает железная люстра-подсвечник, обвитая разноцветными лентами. Купол поддерживают стройные колонны из того же фиолетового камня, что и плиты пола в вестибюле. На стенах висят гобелены тонкой работы и картины в золоченых рамах. Под ними сиденья из темного дерева с подушками, расшитыми золотой нитью. Какое великолепие! Однако самое роскошное украшение вестибюля – это, без сомнения, изящная витая лестница, ведущая в

галерею на втором этаже.

– Прошу вас немного подождать, – снова привлекает мое внимание горничная. – Я сообщу леди Олимпии о вашем прибытии.

Я киваю, даже не заметив, что она уже скрылась из виду. Не могу оторвать глаз от сокровищ вокруг. Осторожно касаюсь одной из колонн кончиками пальцев. Никогда не видела такого прохладного гладкого камня. Должно быть, это мрамор. Стены украшены картинами в самых ярких тонах. Прежде всего это морские пейзажи и апельсиновые рощи, но есть и портреты. С интересом разглядываю их, проходя вдоль стены.

В нашей галерее предков можно увидеть в основном угрюмых мужчин с высокомерными взглядами, а здесь преимущественно женские портреты. Некоторые из них с рыжими кудрями, другие блондинки, третьи с темными волосами, как у меня. У некоторых волосы спрятаны под высокими чепцами. Должно быть, это более старые портреты – такие костюмы вышли из моды сто лет назад. Под картинами нет никаких подписей. Интересно, кто изображен на них и что объединяет этих женщин? Неужели все они родственницы леди Олимпии? Но у нескольких женщин очень смуглая кожа, как у жителей Южного королевства, а по крайней мере одна из них родом с Жемчужных островов: в этом я почти не сомневалась. Она напомнила мне Кеншина. Интересно, хорошо ли маленький Томак разместил его и остальных моих

спутников?

Проходит минута за минутой; я все рассматриваю картины в ожидании леди Олимпии. Похоже, она не торопится встретиться со мной. Наконец решаю присесть на одну из красивых банкетов.

– Не садиться! – раздаётся громкий голос, как только я устраиваюсь поудобнее.

Я мгновенно вскакиваю и смотрю вверх, пытаюсь понять, откуда доносился голос. У балюстрады галереи стоит элегантно одетая женщина. Видимо, это леди Олимпия. Она одета в платье сливового цвета, серебряное ожерелье на шее эффектно сверкает на свету. Больше всего меня поражает, насколько коротко острижены ее седые волосы. Одной рукой она держится за перила, а другой опирается на трость.

– Леди Олимпия, – с поклоном произношу я.

Она кивает, но по равнодушному выражению ее лица невозможно понять, что она думает.

– Эти банкетки не для того, чтобы сидеть, – замечает она и начинает неспешно спускаться по лестнице, постукивая тростью.

Пойти ей навстречу или подождать? Ее юбка колыхнется из стороны в сторону, будто ткани придали твердую форму. Должно быть, под ней кринолин. Это нынче в моде? Неужели и мне придется так одеваться при дворе? При ходьбе леди Олимпия держит спину так прямо, словно проглотила метлу. Я не представляла, что тетина подруга может выглядеть

так строго. Только сейчас я понимаю, что должна была по-подробнее расспросить тетю Камиллу о человеке, к которому еду в гости.

– Где твоя горничная? – спрашивает она, остановившись у подножия лестницы.

– Я приехала без горничной.

Леди Олимпия вскидывает брови:

– Вот как?

Я ничего не отвечаю. Наконец она приближается ко мне, и я чувствую сладкий запах гиацинтов. Она протягивает руку, аккуратно касается моего лица кончиками пальцев и внимательно вглядывается в мои черты.

– Как ты похожа на мать!

На мгновение в ее голосе проскальзывает нечто похожее на нежность, но в следующий же миг леди Олимпия отдергивает руку, будто обжегшись, и хмурится:

– Но что за глаза!

Я сглатываю и прячу руки в складках юбки, чтобы она не видела, как я сжала кулаки. Что за глаза... Мое проклятие. У меня такие же темные волосы, как и у остальных детей рода Гримхольд. И мне уже не в первый раз говорят, что я очень похожа на мать.

Однако никто не знает, откуда у меня такие странные глаза – вроде бы карие, но в зависимости от освещения они могут казаться желтыми, как охра. Ник однажды сказал, что у меня взгляд хищной птицы, и, хотя он прошептал это с неж-

ностью, поглаживая меня по руке, все равно было неприятно. Правда, когда я смотрюсь в зеркало, то не могу не согласиться с его определением.

– Вы знали маму? – спрашиваю я, не придумав ничего лучше.

Леди Олимпия морщит нос:

– Камилла тебе не рассказывала? Мы втроем очень дружили. Конечно, тогда мы были почти что детьми – едва ли старше тебя.

Прежде чем я успеваю что-либо ответить, она кладет руку мне на плечо и подталкивает к двери:

– Идем. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Леди Олимпия ведет меня по длинному коридору без окон. Она идет впереди, тяжело опираясь на трость. Значит, это не просто красивый аксессуар.

Коридор не так роскошен, как главный вестибюль, однако украшен дорогими гобеленами. Железные канделябры, расположенные на равном расстоянии в небольших нишах, тоже оплетены фиолетовыми лентами.

– Как добралась? – спрашивает леди Олимпия таким тоном, что я сомневаюсь, интересен ли ей ответ.

– Благодарю, – кратко отвечаю я, и она больше не задает вопросов. – Тетя Камилла передала вам привет.

На мгновение леди Олимпия сбивается с ритма, и трость цокает по каменному полу два раза подряд.

– Правда?

Мне кажется или в ее голосе послышалось напряжение? И шаги замедлились... Незначительно, но я все равно обратила внимание. Леди Олимпия подергивает плечами, словно пытаясь отряхнуться от чего-то неприятного.

– Сейчас я познакомлю тебя с моими племянником и племянницей.

– Вот как!

А что тут еще сказать? Я даже не знала, что у нее есть семья. Долгое время леди Олимпия была замужем за бароном Вассерштеттом. Он умер почти десять лет назад, детей у них не было. Это все, что мне известно.

– Моя младшая сестра замужем за великим герцогом Эйхенхалем, – сообщает леди Олимпия, будто бы прочитав мои мысли.

Эйхенхаль? Ничего себе!

5

Зимний сад

Помещение, куда привела меня леди Олимпия, залито ярким светом. В первое мгновение мне кажется, что мы попали во внутренний двор – настолько здесь светло и зелено. Однако затем я замечаю, что солнечные лучи проникают сюда сквозь стеклянные стены и крышу. Повсюду расставлены темные лакированные горшки с пышной зеленью. Здесь есть и растения с крупными мясистыми листьями, напоминающими раскрытые веера, и огромные орхидеи, чьи цветы похожи на нежные крылья бабочек, а чарующий аромат перекликается с гиацинтовыми духами леди Олимпии. Между двумя мраморными колоннами растянулось выющееся растение, создавшее целую паутину из листвы, ветвей и темно-синих цветов. Леди Олимпия указывает на большую красивую дверь и жестом приглашает меня войти в этот волшебный мир.

– Это зимний сад, – поясняет она.

Я слишком увлечена изучением окружающей обстановки, чтобы задумываться о том, есть ли насмешка в интонации.

– Барон некоторое время жил в Южном королевстве.

Она говорит «барон». Не «мой супруг».

По-прежнему под впечатлением, я следую за ней сквозь

зеленые заросли в глубь сада. Пол здесь сделан из того же блестящего мрамора, что и в вестибюле.

– Чрезвычайно дорогостоящая блажь, – продолжает леди Олимпия. – Однако барон очень дорожил зимним садом, и, должна признать, со временем я тоже полюбила это место, хотя и считала его затею несколько легкомысленной.

Охотно верю. Мы проходим мимо горшков с лавандой и лимонного деревца и попадаем в некое подобие гостиной с мебелью, обитой фиолетовым бархатом. Изогнутые ножки стола и стульев выкрашены в белый цвет. Над столом висит люстра, хрустальные элементы которой переливаются в лучах солнца всеми цветами радуги.

Молодой человек и девушка – примерно моего возраста – встают, едва завидев нас. Должно быть, это дети великого герцога.

– Тетя, – приветствует молодой человек.

Он так похож на Ника, что на мгновение у меня замирает сердце: темные волосы, небольшая ухоженная борода, острые скулы и дерзкая улыбка. Эта улыбка напоминает мне Конли в моменты, когда он замышляет какую-нибудь шалость. С первого взгляда понятно: это настоящий сердцеед. Его сестра не менее привлекательна.

– Тирас, Ребекка, – обращается к ним леди Олимпия. – Знакомьтесь, леди Александра Гримхольд.

Затем она поворачивается ко мне:

– Александра, лорд и леди Эйхенхаль.

Мы киваем друг другу в знак приветствия. Дома мне всегда было легко подобрать нужные слова в общении с жителями крепости или ближайших окрестностей. А вот высоких гостей в Гримхольде принимали нечасто, поэтому я слабо представляю, как и о чем с ними говорить.

– Рада знакомству, – наконец выдавливаю я.

Ребекка Эйхенхаль подходит чуть ближе:

– Можешь называть меня Экка.

– Ребекка! – раздается строгий голос леди Олимпии, но ей, кажется, все равно.

– Тетя, в ближайшие дни мы проведем вместе столько времени, что, кажется, стоит сразу отбросить все эти скучные формальности. Как думаешь, Александра?

У нее очень заразительная улыбка.

– Аликс, – говорю я. – Просто Аликс.

Леди Олимпия тяжело вздыхает и дергает за веревочку, свисающую с одной из колонн. Во флигеле для прислуги сейчас зазвонит колокольчик.

– Симпатичное платье, – учтиво подмечает Тирас.

Я оглядываю себя и приглаживаю руками светло-зеленую ткань.

– Симпатичное, – соглашается леди Олимпия. – Но оно совсем не подходит для завтрашней встречи с королем. Перед ужином к тебе зайдет портниха, и мы проверим, подойдут ли тебе платья, которые я велела сшить по поручению твоего отца.

Леди Олимпия оставляет трость у маленького столика и садится на стул с таким величественным видом, будто это трон. При этом она так шумно портит воздух, что этот раскатистый звук, должно быть, слышно даже в главном вестибюле. Глаза леди Олимпии расширяются от ужаса, и она густо краснеет. В зимнем саду наступает полнейшая тишина. Я опускаю глаза. Оправившись от первоначального испуга, я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Краем глаза замечаю, как леди Олимпия приподнимается, запускает руку под бархатную обивку стула и достает оттуда плоский кожаный мешочек, похожий на пустую флягу для напитков. Леди Олимпия берет странный предмет двумя пальцами и, подняв его повыше, обращает гневный взгляд на племянника.

– Тирас, – пугающе тихо шипит она.

Молодой человек раздражается оглушительным смехом, от которого сотрясается все тело, и тут до меня доходит: неприятный звук был вызван этим мешочком! Я перевожу взгляд на его сестру, которая улыбается мне во весь рот. Невольно улыбаюсь ей в ответ.

– Прости, тетушка, – извиняется виновник конфуза и забирает мешочек.

Леди Олимпия бессильно опускается на стул.

– Не нужны мне твои извинения, – ворчит она, а затем гневно оглядывает нас с Ребеккой. – Посмотрим, как вы будете улыбаться, когда предстанете перед королем.

Тут мне сразу становится не до смеха.

– Не пугай их так, тетушка. – Тирас тоже садится на один из белых стульев. – Весь этот фарс со смотринами никому не нужен, ведь все уже давно решено.

– Что вы имеете в виду? – с любопытством спрашиваю я. Леди Олимпия предлагает нам сесть.

– Мой бестолковый племянник снова говорит о том, о чем не имеет ни малейшего представления.

– Неужели? – с вызовом спрашивает Тирас.

– Тир думает, что король Гидеон уже выбрал невесту, – говорит Экка, обращаясь ко мне. – Леди Ирке Кальтенфельсская.

– Кальтенфельс?!

У этого знатного рода в Гримхольде репутация еще хуже, чем у семейства Эйхенхаль. Когда-то они были могущественны, но эти времена остались в прошлом. Ройлант Кальтенфельсский был единственным, кто открыто выступил против отца Змеинового короля, когда королеву и ее дочерей отдали под суд. Его не казнили, но бросили в тюрьму как предателя. Семью лишили всех владений и дворянских титулов. Об Ирке Кальтенфельсской мне известно лишь то, что она родилась в монастыре, где укрывалась ее мать. Спустя некоторое время мать Ирке стала жрицей, и предполагалось, что дочь тоже примет постриг. Однако незадолго до того, как это должно было случиться, на трон взошел король Гидеон, помиловал семью Кальтенфельс и вернул им все титулы и владения.

Получается, идея Тираса не лишена смысла: теперь Ирке Кальтенфельсская – госпожа крупного герцогства и верно-подданная Его Величества, то есть действительно хороший выбор для короля.

– Зачем тогда король разослал приглашения по всей стране? – спрашивает леди Олимпия, словно прочитав мои мысли. – Нет-нет. Этому змею не стоит верить, даже если речь идет о выборе невесты.

Сурово взглянув на Тираса, она продолжает:

– А что до тебя, лучше брось свои дурацкие шутки. Или тебе напомнить, почему ты здесь?

Тирас опускает голову. От его неумемной энергии не остается и следа. Я с любопытством перевожу взгляд на его сестру, затем на леди Олимпию, но никто из них явно не собирается ничего объяснять. Однако, судя по тому, как сникли Тирас и Экка, речь идет о чем-то серьезном.

– Ты в первый раз при дворе? – наконец произносит Экка, нарушив тишину.

Я киваю:

– А ты?

– Была два раза до этого, – отвечает она, гордо вскинув голову.

– Ты была еще совсем маленькой, – с усмешкой замечает брат.

Экка разворачивается к нему, но прежде, чем она успевает что-либо ответить, мы слышим шаги. Горничная, встре-

тившая меня в дверях, приближается к нам с подносом. Она ставит на стол хрустальный графин с красным фруктовым соком и стаканы.

Кисловатый напиток приятно освежает губы.

– На каких инструментах ты играешь? – спрашивает Экка.

– Ни на каких, – отвечаю я.

– Вот как! – отвечает она, и у меня начинают гореть уши.

«Давай хоть чуть-чуть позанимаемся», – повторяла мне тетя Камилла, в очередной раз садясь за арфу у большого камина в зале. Я с удовольствием слушала, как она играет. Но зачем учиться самой? У меня всегда были дела поважнее. Или, точнее, поинтереснее.

Экка откидывается на спинку стула и отпивает из стакана.

– Наверное, ты поешь?

Я качаю головой, и ее глаза расширяются от удивления.

Почему мне вдруг так неловко?

– Ну хоть танцевать...

– Конечно, – отвечаю я. – Я умею танцевать павану и бранль. И конечно, эстампи.

– Но это же все круговые танцы... – с удивлением произносит она.

– Ты умеешь танцевать менуэт? – вступает в разговор леди

Олимпия. – А гавот?

Отвечаю отрицательно на оба вопроса. Леди Олимпия смотрит на меня так, будто только что съела лимон.

– Похоже, предстоит больше работы, чем я думала.

Ее слова неприятно задевают меня.

– Не надо делать такое лицо, девочка моя. Я не со зла. Мы все наверстаем. Тирас поможет.

– Тирас? – невольно вырывается у меня.

– С удовольствием, – тут же отзывается он и полушепотом добавляет: – Я отличный танцор.

– И тот еще хвастун, – отмечает Экка.

Наклонившись ко мне, она спрашивает:

– Если вы не танцуете и не музицируете, то чем же вы занимаетесь в Гримхольде целыми днями? Развешиваете гобелены?

Я качаю головой. «Покажи им там в столице, что мы не дикари», – просил отец. Пожалуй, в таком случае не стоит рассказывать, что половину дня я провожу в конюшне, помогая кобылам с жеребятами, а потом стригу овец вместе с пастухами. Подожду удобного случая, когда Змеиный король сможет это услышать.

– Охотимся, – наконец отвечаю я.

Думаю, охота в Торренштадте все же считается приемлемым времяпрепровождением.

– Охотитесь?! – с таким возмущением переспрашивает леди Олимпия, будто я сообщила, что вылавливаю лягушек голыми руками прямо из крепостного рва. Впрочем, в детстве я очень любила это занятие.

– Охотитесь? – спрашивает Тирас, правда с совсем иной интонацией, чем его тетя. – С арбалетом? Или луком?

– Я стреляю из лука.

В его глазах появляется блеск. Красивые глаза. Ярко-зеленые, с темной каймой вокруг радужки.

– За городскими воротами есть поле, где тренируются королевские охотники. Давайте сходим туда вместе.

– Никуда она не пойдет, – резко прерывает его леди Олимпия. – У нас нет времени на эти глупости. Она должна научиться танцевать, вести беседы с другими дамами, заключать союзы, мерить платья и пойти с нами к ювелиру. Кроме того, Его Величество, естественно, рассчитывает познакомиться с ней до бала. Возможно, на музыкальном вечере, прогулке по королевским садам, на каретной прогулке, за игрой или за ужином.

Мне становится дурно от ее рассуждений. Я смирилась с тем, что придется посетить бал Звездных кистей, так уж и быть. Я даже предполагала, что нам предстоит несколько совместных ужинов и, возможно, прогулок в парке. Но не более.

– Король хочет получить как можно более полное представление о своей будущей королеве, – поясняет Экка.

– Он хочет унижить вас и больше ничего, – возражает Тирас.

– Все лучше, чем выйти за него замуж, – подытоживает леди Олимпия, и мы погружаемся в молчание.

Оглядываясь по сторонам, я утешаю себя тем, что нас объединяет хотя бы одно: никто из присутствующих не хочет,

чтобы король взял одну из нас в жены. А уж я – с полным отсутствием каких-либо талантов – вряд ли буду среди основных претенденток.

После нашего небольшого разговора в зимнем саду горничная леди Олимпии провожает меня в гостевую комнату, где мне предстоит жить следующие несколько дней. Красивый интерьер в темно-синих и белых тонах, кровать, застеленная светлым бельем, никакой кошачьей шерсти. Интересно, смогу ли я заснуть без мурлыканья Молли? Скорее всего, да, если все последующие дни будут похожи на вторую половину этого. Сначала приходит швея и зашнуровывает меня в бальные платья, такие тесные в груди и широкие в подоле, что я не могу ни вздохнуть, ни пройти сквозь дверной проем. Затем появляется горничная с набором дорогих украшений, которые леди Олимпия, очевидно, готова одолжить мне на несколько дней; потом сапожник, которому нужно подогнуть танцевальные туфли.

Когда я наконец добираюсь до сада, в небе уже виднеется бледная луна. Путешествие и насыщенный день утомили меня, и я с нетерпением жду, когда уже окажусь в мягкой постели в красивой гостевой спальне. А сейчас я просто наслаждаюсь прохладным ночным воздухом и приятной травой под ногами. Все равно меня здесь никто не видит, поэтому я смело снимаю туфли и прогуливаюсь по направлению к дому в тени живой изгороди. Приближаясь к зимнему саду, я понимаю, что не мне одной захотелось пройтись перед

сном: в розовой беседке сидят Экка с братом, между ними стоит зажженный фонарь. Вероятно, из-за близкого источника света пространство вокруг беседки кажется еще более темным: по крайней мере они не видят, как я машу им рукой. Может, стоит снова обуться? Нет. Ускоряю шаг, чтобы присоединиться к ним.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь снова привлечь к себе внимание, ветер доносит до меня обрывки их разговора.

– ...Все равно останется деревенщиной, даже если нарядить ее в новое платье, – слышу я слова Экки и замираю.

Неужели она говорит обо мне? Тирас что-то отвечает, но кровь шумит в ушах слишком громко, чтобы я могла расслышать его слова. Я медленно подбираюсь ближе, прижимаясь к буковой изгороди, чтобы они не заметили моего присутствия как можно дольше.

– Красивое платье, – передразнивает брата Экка. – Ты ведь не всерьез, правда?

– Чего ты так расстраиваешься? – спрашивает брат. – Она точно не затмит тебя.

Его слова задевают меня, хотя я и знаю, что они справедливы.

– Она опозорит тетю Олимпию, как только предстанет перед королевским двором, – предсказывает Экка. – И нас заодно.

– Так вот о чем ты беспокоишься! – хихикает Тирас.

Похоже, его поведение еще сильнее раздражает Экку.

– Она неуклюжая, не умеет себя вести и... ты видел ее глаза?

– А по-моему, она очаровательна.

Экка смеется, но ее смех звучит не весело, а уничижительно.

– Очаровательна? Тебя послушать – так все более-менее симпатичные девушки очаровательны. Но я тебе говорю: если хочешь залезть к ней под юбку, то стоит поторопиться. Едва ли король позволит ей остаться здесь дольше чем на день.

– Вот и отлично, – спокойно отвечает Тир.

Экка переводит дыхание – естественно, чтобы возразить, но с меня достаточно и услышанного. С горящим лицом я пробираюсь вдоль живой изгороди в глубь сада и делаю большой крюк, чтобы вернуться в дом. Так вот что они обо мне думают! А сегодня днем они изображали любезность. Отец был прав: столица похожа на змеиную яму.

При дворе Змеиного короля

Слава Божественным Сестрам, мне не пришлось встречаться с Тирасом и Эккой на следующее утро. Одна из служанок леди Олимпии разбудила меня сразу после восхода солнца, оставив легкий завтрак и теплое молоко, которые можно съесть прямо в комнате. Я едва успеваю перекусить и освежиться, как ко мне уже стучится портниха с двумя помощницами. Они вручают мне темно-синее бальное платье, которое леди Олимпия отдала на подгонку накануне вечером, чтобы я могла предстать в нем сегодня при дворе. Затянув меня в корсет, они зовут госпожу, чтобы та оценила результат.

Я провожу кончиками пальцев по богато расшитой ткани, плотно натянутой вокруг талии.

– Немного тесновато.

– Оно сидит идеально, – отмахивается леди Олимпия. – Просто старайся не спешить и не делать резких движений, и все будет в порядке.

Только во второй половине дня мы снова встречаемся вчетвером в вестибюле, чтобы вместе отправиться к королевскому двору. В новом платье я чувствую себя словно в тесных рыцарских доспехах из ткани и металлических пла-

стин.

– Наконец-то явилась, – с укором говорит леди Олимпия. – Карета уже ждет.

Я прошу прощения, и она благосклонно кивает.

Ребекка Эйхенхаль одаривает меня милой дружелюбной улыбкой, но меня больше не проведешь. Она одета в пышное платье из плотного светло-желтого шелка. На рукавах есть разрезы, и ее горничная, должно быть, приложила немало усилий, чтобы продеть через эти отверстия ткань кремового нижнего платья. В волосы Экки вплетены ленты тех же цветов. Она выглядит сногсшибательно, что, впрочем, мне только на руку. Чем больше она будет привлекать внимание короля, тем реже оно будет задерживаться на мне. Гораздо труднее игнорировать ее брата, который одет в не менее великолепною мантию тех же оттенков желтого.

Леди Олимпия сопровождает нас к карете. Белоснежный экипаж украшен причудливыми завитками; сиденья обиты фиолетовой тканью. Четыре запряженные лошади, конечно же, белой масти, а к их уздечкам прикреплены фиолетовые перья. Меня не покидает чувство, будто мы выезжаем в город в торте со взбитыми сливками. Я с удовольствием открыла бы занавески, чтобы полюбоваться проплывающими мимо зданиями, но леди Олимпия требует нашего безраздельного внимания.

– Король примет вас в тронном зале, – наставляет она. – Вы, девочки, будете представлены вместе как мои подопеч-

ные. Тирас, тебе следует держаться в тени.

Я бросаю взгляд на Экку, и она снова улыбается мне как хорошему другу. Тут же отвожу глаза: чувствую, как снова начали гореть уши от воспоминаний о ее вчерашнем разговоре с братом. А ведь стыдно должно быть ей, а не мне!

– Король не будет много с вами разговаривать. Говорите, только если вас о чем-то спросят, ведите себя смиренно, в соответствии с вашим и его положением, но не лебезите. И само собой разумеется, вы должны прежде всего поклониться...

Леди Олимпия делает паузу, и даже в тусклом свете кареты я вижу, как она бледнеет.

– Надеюсь, Камилла научила тебя, как правильно кланяться Его Величеству.

– Конечно, – без раздумий отвечаю я, хотя один только вопрос вызывает тревогу.

Леди Олимпия достает кружевной платочек и оттирает пот со лба.

– Конечно, – с видимым облегчением произносит она и улыбается. – Конечно, научила.

– Когда все приглашенные будут представлены, состоится небольшой фуршет. Это позволит вам познакомиться с другими претендентками.

– А у него будет возможность понаблюдать за нами, – добавляет Ребекка.

– И это тоже.

– Сколько девушек король пригласил на смотрины? – спрашиваю я.

– Вас будет тринадцать.

– Тринадцать? – напряженно спрашивает Тирас.

Леди Олимпия мрачно кивает:

– Нечестивое число, я знаю. Изначально было приглашено пятнадцать, но Маре Гинстербергенская недавно надела вуаль жрицы, а дочь графа Фейербахского...

– ...как оказалось, не столь невинна, как можно было бы ожидать от будущей королевы, – заканчивает Тирас фразу леди Олимпии, которая осеклась на полуслове.

– Тирас! – возмущается она, но потом добавляет: – Можно сказать и так.

Неужели Маре Гинстербергенская и дочь графа Фейербахского оказались умнее меня? Похоже, они выбрали те самые лазейки, о которых я задумывалась поначалу. Интересно, какой выбор в итоге окажется более удачным?..

Леди Олимпия начинает перечислять родословные девушек, приглашенных королем ко двору. Тяжелый гиацинтовый аромат ее духов словно заполняет собой все пространство внутри кареты, и мне трудно сосредоточиться на том, что она говорит. Как бы мне хотелось сейчас сидеть на Летнем Ветерке – моей любимой кобыле – и скакать домой через северные пастбища, навстречу ветру, с луком и колчаном за спиной!

Наконец мы останавливаемся, и я с облегчением вздыхаю.

До нас доносятся приглушенные голоса. Я тянусь к фиолетовой шторке, чтобы выглянуть наружу, но леди Олимпия громко кашляет и качает головой. Мы слышим скрип тяжелых двустворчатых ворот, и экипаж снова трогается. Гомон столицы сменяется ритмичным стуком молотков по наковальне, похрюкиванием и писком свиней. Некоторое время нас сопровождает громкий лай; затем кто-то, видимо, ловит сторожевую собаку, и она замолкает. Наконец карета останавливается.

Я безропотно держу руки на коленях и жду, когда откроется дверца. Леди Олимпия благосклонно кивает мне и выходит первой. Пропускаю Ребекку и Тираса вперед. Тирас галантно протягивает руку, чтобы помочь мне выйти. Я бы с радостью отказалась, но корсет затянут так туго, что приходится на время забыть о гордости.

– Спасибо, – говорю я, пожалуй слишком резко убирая руку, и обвожу взглядом мощный двор.

Прежде чем Тирас успевает что-либо ответить, Ребекка привлекает наше внимание вопросом:

– Что это?

Мы находимся посреди просторного внутреннего двора, окруженного массивными каменными стенами. Ни в арках, ни в стрельчатых окнах и дверях нет света – они зияют на фоне темного камня словно черные дыры. Между окнами висят знамена с гербом королевской семьи: белая роза на елово-зеленом фоне. Некоторые фрагменты стены поросли

плющом. Сверху на нас смотрят гаргульи – словно мрачные стражи, готовые тотчас разорвать когтями непрошеного гостя. Кажется, они застыли с безобразными гримасами от солнечного света, но снова оживут с наступлением темноты.

Однако Экка спрашивала о другом. Ее взгляд направлен на башню, которая выделяется на общем фоне, как белая береза в роще темных дубов. Она гордо возвышается в центре двора и, несомненно, превосходит по высоте все остальные постройки. Башня также сложена из крупных камней, но все они белы как снег и идеально подогнаны по форме и размеру. Сверкающие зубцы придают башне непревзойденную элегантность. Вместо гаргулий на уступах и в нишах сидят совы. Они вырезаны из того же светлого камня, что и сама башня. Высоко над землей виден деревянный мостик, который соединяет ее с дворцом. Витая лестница, позволяющая подняться со двора, огибает башню до второго этажа и упирается в кованую железную дверь.

– Это...

– Совиная башня, – подтверждает мои подозрения леди Олимпия.

– Разве ее не снесли после суда над королевой-колдуньей? – с тревогой спрашивает Ребекка.

Леди Олимпия кладет руку ей на плечо:

– Король отстроил ее заново. И постарайся не называть ее так.

Экка вздрагивает, но быстро берет себя в руки.

– Истинное украшение дворца, – говорит она, и я почти верю ее восхищенной интонации.

Появляется слуга и приглашает нас проследовать за ним. Пока мы идем по зеленой ковровой дорожке к главному зданию, я размышляю над тем, что означали слова леди Олимпии: «Король отстроил ее заново». Вызвал ли он лучших каменщиков и мастеров? Или прибегнул к колдовству? Говорят, он унаследовал от матери дар чародейства...

Еще не встретившись с королем, я знаю по меньшей мере одно: как и леди Олимпия, он склонен украшать все свои владения в цвета фамильного герба. Цвета рода Гримхольд – серый и синий, поэтому мой сегодняшний наряд включает один из них. Однако темно-зеленый цвет королевского герба представлен не только в бархатных одеждах слуг, он есть буквально везде – и на коврах, и на настенных украшениях, и в лунных стеклах окон. Даже огромные свечи в канделябрах, которые чередуются с черными рыцарскими доспехами вдоль ковровой дорожки, окрашены в темно-зеленый цвет. Наиболее жуткое впечатление оставляют свечи в двух канделябрах высотой в человеческий рост по обе стороны от двустворчатой двери, украшенной богатой резьбой: они горят зеленоватым пламенем. Я невольно сглатываю, но тут же понимаю, что во рту пересохло от волнения. «Змеиный король», – звучит в голове голос Конли.

Слуга останавливается перед двойными дверями и велит нам подождать. Сердцебиение учащается, и, несмотря на

странный зеленоватый полумрак, мне кажется, что на щеках Экки проступает нездоровый румянец.

Леди Олимпия, напротив, кажется невозмутимой. Возможно, она бывала здесь десятки раз. Я уже собираюсь спросить ее об этом, но тут обращаю внимание на ее пальцы, сжимающие набалдашник трости до белых костяшек. Уловив мой взгляд, она расправляет кружевную манжету рукава и прикрывает руку. «Не показывай слабости». Никто не сказал мне об этом в напутствие, но теперь я учту. Незаметно стараюсь дышать как можно медленнее, чтобы унять волнение.

Пока мы находимся в ожидании у дверей, к нам присоединяются светловолосая девушка с сопровождающей – седовласой дамой, увешанной драгоценностями.

– Леди Виола Розвальль с матерью, – шепчет Экка мне на ухо будто мы лучшие подружки. – Симпатичная, но не опасная.

Я хмурюсь. Почему Экка видит в других опасность? Мы ведь хотим, чтобы они привлекли внимание короля. Настоящая опасность скрывается за дверью.

Леди Олимпия сдержанно приветствует леди Розвальль; мы, девушки, ограничиваемся кивками. Двустворчатые двери наконец открываются, и мы попадаем в огромный зал. Пол выложен черной мраморной плиткой, отполированной до такого блеска, что мы видим под ногами свои отражения. С потолка свисает огромная люстра. Вместо хрустальных ка-

пель ее кронштейны украшают мерцающие зеленые камни. Изумруды? Свечи не зажжены, и я могу только представить, как выглядит эта люстра, когда они горят.

Хотя сейчас только середина дня, в зале играет небольшой оркестр. Король Гидеон сидит – точнее, полулежит – на золоченом деревянном троне. На одном из подлокотников лежит подушка, и король опирается на нее левой рукой. Подогнув одну ногу под себя, он безмятежно свесил другую через противоположный подлокотник. На нем сапоги, отделанные белым мехом, темно-зеленые облегающие брюки и такая же зеленая рубашка по фигуре, на шее – большой овальный медальон бледного цвета, будто вырезанный из кости. Пламя свечи освещает его светлые золотистые волосы и темное вино в большом стеклянном кубке, который он небрежно держит в руке.

Мы с леди Олимпией и Ребеккой проходим мимо группы аристократов, которые уже прибыли раньше нас. Тирас следует чуть позади. Все мы покорно опускаем глаза и рассматриваем темно-зеленый ковер, но я уверена, что Экка, так же как и я, старается исподтишка разглядеть короля Гидеона чуть получше из-под полуопущенных век.

Змеиный король даже не пытается изменить позу, когда нас вводят в зал; лишь задумчиво подносит кубок к губам.

– Ваше Величество, баронесса Вассерштеттская со своими подопечными, леди Ребеккой Эйхенхаль и леди Александрой Гримхольд.

Король молча наблюдает за тем, как мы с Эккой и леди Олимпией склоняемся в глубоком реверансе, а Тирас замирает в поклоне. Краем глаза замечаю, что Экка теряет равновесие, выпрямляясь. Впрочем, неудивительно – в таком-то пышном платье! За нами поднимается едва различимый шепот. Девушки и их матери оценивают нас, отмечают достоинства и недостатки. Вероятно, то же делает и король, однако его неподвижное лицо не позволяет даже предположить, что он о нас думает.

После мгновения, которое кажется мне целой вечностью, он наконец двигается. Один лишь едва заметный кивок, но для дворецкого достаточно и этого, чтобы ударить церемониальным жезлом о черные плитки пола. Леди Олимпия разводит руки и отодвигает нас в сторону, подальше от трона и от короля.

Теперь перед королем предстает Виола Розвалль с матерью. Мы присоединяемся к остальным гостям, и симпатичная темноволосая девушка окидывает нас взглядом, когда мы занимаем место рядом с ней. Ее губы вытягиваются в улыбку, но лишь на короткий миг, словно она не совсем уверена, уместно ли сейчас улыбаться. Леди Олимпия и Экка отвечают ей кивком, и я повторяю за ними. Тем временем король Гидеон с наименьшим равнодушием приветствует леди Розвалль. Из-за трона появляется человек и шепчет ему что-то на ухо. Он весь в черном, на голове шутовской колпак, расшитый серебром. Король слушает все с тем же без-

участным лицом.

Наконец он вскидывает голову и вытягивает руку в сторону. Шут, словно выдрессированный зверек, мгновенно забирает у него кубок с вином. Король энергично поднимается с трона и безмолвно проходит мимо дворецкого и всех нас, не обращая ни на кого ни малейшего внимания, хотя мы – его гости. Вокруг нарастает шепот. Я бросаю вопросительный взгляд на леди Олимпию, но она сжимает губы и упрямо смотрит вперед. Никаких вопросов, не сейчас.

Король Гидеон сходит с ковровой дорожки и направляется к боковой двери. Его сапоги громко стучат о мраморные плиты. Двое слуг быстро открывают дверные створки, и он, не оглядываясь, поднимает руку и щелкает пальцами.

– Следуйте за мной, – густым, низким, холодным голосом произносит он. Его тон ясно дает понять, что мы не только его гости, но и подданные.

– Это... – начинает одна из девушек; мать мгновенно прерывает ее.

Дворецкий подгоняет нас вперед, но, когда наши спутники пытаются последовать за нами, строго останавливает их:

– Только юные дамы.

– Но... – возмущается Тирас.

– Ни слова, – шипит леди Олимпия сквозь зубы, и он замолкает.

Очевидно, никто не понимает, как воспринимать странное поведение короля. И вместе с тем, никто не решается

бросить ему вызов, поэтому мы, точно овцы, следуем за ним, а наши спутники остаются позади.

Когда мы оказываемся у двери, за которой скрылся король, я оглядываюсь в последний раз. Леди Олимпия, Тирас и другие присутствующие шепчутся между собой. Черная фигура в шутовском колпаке снова скрылась за тронном. Я вижу, как шут смотрит из тени прямо на меня и поднимает королевский кубок – будто бы в мою честь.

Лисий мех и лебединые перья

Гидеон Даркенфаль приводит нас в длинную узкую комнату, значительно меньше огромного тронного зала, но все равно достаточно большую по меркам нашего фамильного замка. Вдоль стен стоят портновские манекены с экстравагантными платьями. Прямо у входа висит наряд морской феи из переливающегося синего и зеленого атласа, расшитого ракушками и жемчугом. Вуаль выглядит как сеточка с узелками из серебряных нитей и напоминает тонкую рыболовную сеть. На манекене напротив – белоснежное платье, отделанное настоящими лебедиными перьями, рядом с ним – коричнево-красное платье, отороченное мехом; к нему прилагается остроносая золотая лисья маска. Есть костюм павлина, платья с огромными крыльями бабочки – красивые, но едва ли удобные. Один из нарядов и вовсе напоминает ослиную шкуру.

Вокруг меня то и дело раздаются восторженные возгласы, и я вынуждена признать, что тоже заморожена искусной работой портных.

– Наслаждайтесь, дамы, – раздается низкий голос короля.

Мы оборачиваемся, но, не удостоив нас взглядом, он исчезает между двумя манекенами, а вслед за этим слышится

грохот открывающейся и закрывающейся двери. Это не та дверь, через которую вошли мы. Неужели Змеиный король просто оставит нас здесь?

– Миледи, – громко произносит дворецкий, и вокруг меня поднимается ропот. – Его Величество рад сообщить вам, что в последний день месяца Звездных кистей вас ждет костюмированный бал. Все эти платья были созданы специально для него. Его Величество желает, чтобы каждая леди выбрала себе наряд и надела его в этот вечер. Леди Гольдау?

Высокая брюнетка в бледно-розовом платье выходит вперед. Ее волосы собраны в замысловатую прическу и украшены розовыми бутонами. Дворецкий протягивает ей серебряную цепочку с подвеской, и она аккуратно берет ее, словно хрупкое сокровище.

– Каждая из вас получит по такому украшению, – объясняет дворецкий. – На нем выгравировано ваше фамильное имя. Вам необходимо повесить цепочку на приглянувшийся манекен, и выбранное платье будет доставлено сегодня же.

– А что, если двое захотят одно платье? – спрашивает Виола Розвальль.

– Уверен, вы сможете договориться, – с язвительной улыбкой отвечает дворецкий.

Он вызывает нас по очереди и раздает цепочки. Я пытаюсь запомнить имена остальных, но у меня начинает рябить в глазах. Я третья в очереди. Чувствую, как меня буравят взглядом остальные, когда приходит мой черед. Цепочка са-

мая обычная. На маленькой металлической пластинке вычурными буквами выгравировано «Гримхольд».

Пока половина девушек еще ждет, остальные уже начинают присматривать себе костюмы. Последней цепочку получает необычайно высокая женщина с очень светлыми волосами в скромном серебристом платье: Бьоркадил Фьелльхеймская. Я с любопытством разглядываю ее. Семья Фьелльхейм живет в Янтарной бухте, на небольшом клочке земли к востоку от Торренфелла. Это даже не графство, а владения графа Вильденау, две дочери которого также участвуют в смотринах. Отец Бьоркадил – не граф, а всего лишь барон. Однако и мужчины, и женщины из Янтарной бухты славятся отличными мореплавателями, поэтому пользуются большим уважением во всей стране.

Вручив ей цепочку, дворецкий кланяется и исчезает между манекенами вслед за королем. Дверь снова захлопывается. Бьоркадил, недолго думая, бросается за ним.

– То есть они просто бросили нас одних? – раздраженно спрашивает она, и я отмечаю про себя, какой у нее звучный голос.

Она снова появляется из-за манекенов с сердитым выражением лица.

– Ну и что, – отвечает одна из девушек с не меньшим раздражением. Это Элеонора Рабенкламмская, у которой такой же внушительный крючковатый нос, как и у ее матери-герцогини. – У нас есть чем заняться, не так ли?

Бьоркадил воздерживается от ответа и молча оглядывает комнату. Затем она выбирает, в каком направлении идти, и сначала мне кажется, что она остановила свой выбор на юбке из рваного льна и заплатах рубаше. Неужели из всех роскошных нарядов она хочет выбрать костюм нищенки? Однако Бьоркадил проходит мимо него и поднимает руку, чтобы повесить цепочку на манекен в светло-голубом платье с огромными крыльями бабочки, но тут ее прерывает одна из сестер Вильденау.

– Вообще-то это я хотела, – заявляет она.

На мгновение все задерживают дыхание. Бьоркадил отворачивается от платья и смотрит дочери графа Вильденау прямо в глаза. Затем пожимает плечами и отходит в сторону. Удовлетворенно фыркнув, леди Вильденау вешает цепочку на шею манекена с костюмом бабочки. Бьоркадил пересекает комнату и останавливается перед платьем лебедя.

– Это уже тоже кто-нибудь присмотрел?

Никто не отвечает, и она присваивает наряд себе.

– Какой ты выберешь? – шепчет мне Ребекка.

Я нерешительно озираюсь по сторонам. Понятия не имею. Может, стоит выбрать костюм осла? Мне подойдет: дома я много времени провожу в стойлах. А король Гидеон с его пристрастием к изысканной одежде, конечно, не захочет танцевать с девушкой в маске осла. Правда, на балу будут и другие мужчины... В памяти всплывают слова тети Камиллы, что никогда не помешает познакомиться поближе с кем-ни-

будь из них. Я вспоминаю о Тирасе и начинаю краснеть, но тут же злюсь: как выяснилось вчера вечером, он оказался двуличным мерзавцем, да и его сестрица тоже.

– А ты какое выберешь? – спрашиваю я, хотя на самом деле мне все равно.

– Мне подойдет лиса, как ты думаешь? – Экка проводит кончиком пальца по меховой отделке платья.

За нами снова начинается суматоха.

– Снежинка, нет! – сердито кричит кто-то. – Хватит!

– Угмоните это животное! – визжит другая.

Пять девушек столпились в конце комнаты вокруг костюма кошки. Среди них – Виола Розвальль. Это она кричала последней. Повернувшись к ней спиной, рыжеволосая девушка наклоняется и поднимает с пола белого миниатюрного пуделя – или, по крайней мере, пытается это сделать, потому что собачка вцепилась зубами в подол платья и явно не собирается его отпускать.

– Ну же! – настаивает Виола Розвальль. – Ваше животное испортит платье.

– Отпусти, Снежинка! – командует рыжеволосая и оттаскивает собаку. Пудель начинает рычать.

– Разве собаки разрешены при дворе? – негодует другая.

– ка просто милашка, – утверждает рыжеволосая, но звучит не очень убедительно. Собака тем временем удваивает усилия и начинает скрести кошачий костюм лапой.

– Иди-ка сюда. – Ирке Кальтенфельсская предпринимает

попытку усмирить зверька и опускается на колени рядом с хозяйкой и пуделем.

Ее имя я, конечно же, сразу запомнила. Думаю, мы все запомнили. Это та самая красивая брюнетка, которая улыбалась нам в тронном зале.

– Ей это не нравится, – рыжеволосая раздраженно одергивает Ирке, но та не реагирует.

– Нет, – строго говорит она собаке и берет ее за шкуру. Снежинка замирает и отпускает платье. Затем она встает на задние лапы и приобретает такой невинный вид, будто и мухи не обидит.

– Умни... – начинает Ирке, но рыжеволосая тут же тянет пуделя к себе.

Снежинка издает недовольный писк, но все же устраивается на руках у хозяйки.

– А я и не видела, что вы взяли с собой собаку, – недовольно замечает Виола Розвальль.

– Король разрешил, – огрызается рыжеволосая. – Отец написал ему письмо. Я никуда не поеду без своей Снежинки. И если я стану королевой, Его Величеству все равно придется с этим смириться.

– Если, – язвительно уточняет Элеонора Рабенкламмская.

– Неслыханно! – шепчет одна из сестер Вильденау, которая явно заискивает перед Элеонорой.

В воздухе витает враждебность, и мне хочется скорее отвернуться. Именно поэтому я не хотела участвовать в этих

смотрим. И еще потому, что я не хочу замуж, конечно же. За отсутствием иного выбора возвращаюсь к платьям. Мне приглянулся костюм водной феи – за исключением странной сетчатой вуали. Но темно-зеленая атласная ткань слишком уж напоминает мне цвет герба Змеиного короля; вряд ли я буду носить такой наряд с удовольствием.

Дальше я обнаруживаю платье, цветовая гамма которого напоминает перья зимородка. Декольте довольно глубокое, но его можно прикрыть шелковым шарфом. Однако перед платьем уже стоит другая девушка и нерешительно тербит рукав.

– Хочешь взять его? – спрашиваю я.

Девушка оборачивается и неуверенно улыбается:

– Оно красивое, не правда ли? Вот только не знаю, влезу ли я в него.

– А ты примерь, – предлагает Ребекка, но шатенка качает головой и указывает на стену поверх наших голов.

Только сейчас я замечаю картину в золотой раме над дверью, через которую мы вошли: портрет короля. Он выглядит точно так же, как в тронном зале, – в тех же темно-зеленых брюках и белых сапогах будто художник только сегодня закончил работу. С высокомерным выражением лица он словно наблюдает за нами сверху.

– Это всего лишь портрет, – говорит Экка.

– А вдруг через него за нами кто-то наблюдает? – спрашивает девушка. – Вдруг это сам король?

Я с тревогой глядываюсь в портрет. Возможно ли это?

– Я слыхала о подобном, – вступает в разговор девушка, чье имя я позабыла. Помню лишь, что дворецкий представил ее как дочь герцога Аукенхама.

– В стенах и картинах проделываются малюсенькие отверстия, – объясняет она. – Издалека они совсем незаметны. Но если кто-то смотрит с другой стороны...

– С другой стороны находится тронный зал, – перебивает ее Бьоркадил Фьелльхеймская. – Ты правда думаешь, что Змеиный король стоит там на приставной лесенке и наблюдает за нами, пока наши родители в зале?

Услышав слова «Змеиный король» все мы одновременно задерживаем дыхание. Бьоркадил закатывает глаза:

– Если мы все знаем, что его называют Змеиным королем, он, наверное, тоже в курсе.

– Тем не менее это не значит, что стоит называть его так, если он может нас услышать, – замечаю я.

– Не будьте дурами, – вмешивается Элеонора Рабенкламмская. – Даже если он наблюдает за нами, какая разница?

К моему ужасу, она начинает расстегивать лиф платья.

– Суайя, не поможешь мне?

Старшая из сестер Вильденау – не та, что требовала платье с бабочками, – бросается к ней и выполняет указание.

Я наблюдаю за тем, как Элеонора снимает платье. Герцогиня бы это точно не одобрила!

– Ну же, – поддразнивает нас она, глядя на наши изумленные лица. – Каждая из нас надеется, что он сделает королевой именно ее. Может, стоит сразу показать, что мы можем предложить?

– Какое бесстыдство! – шипит девушка с пуделем и крепче прижимает к себе Снежинку.

Элеонору это совершенно не смущает. Сестры Вильденау помогают ей выбраться из платья и облачиться в эффектный костюм павлина. Я снова поворачиваюсь к девушке, которая, как и я, заинтересовалась костюмом зимородка.

– Если хочешь его, бери, – предлагаю я.

В конце концов, мне практически все равно, что я надею на бал. Ее глаза расширяются от удивления, но затем она понуро опускает голову:

– Оно все равно мне не подойдет. Как, впрочем, и все остальные платья.

Она указывает на свои бедра, которые заметно шире моих. На самом деле она действительно полнее остальных, а все костюмы рассчитаны на более худые фигуры. Тут к ней подходит дочь герцога Аукенхама.

– Если хотите, я могу вам помочь, – предлагает она. – Я умею обращаться с иглой и ниткой. Вы ведь Хестер, не так ли?

Хестер кивает, но явно не знает, что ответить на это любезное предложение.

– Правда, – продолжает Аукенхам. – Вот это платье я сши-

ла сама.

Все мы с восхищением рассматриваем ее наряд. Платье с длинными рукавами и с высоким воротником сшито из черной ткани. Подол и лиф расшиты серебряной нитью. Я бы никогда не смогла сделать такую искусную вышивку.

– Я Ливарис, – говорит она и приветливо улыбается.

Хестер улыбается в ответ:

– Благодарю.

Я отвлекаюсь от них: пусть Хестер забирает костюм зимородка. После того как я так просчиталась с Эжкой, стоит держаться подальше от всех остальных или по крайней мере соблюдать осторожность. Может, мне все-таки взять платье водной феи? С цепочкой в руке я прохожу вдоль манекенов, пока снова не оказываюсь перед ним. Зеленый атлас таинственно мерцает в приглушенном свете. Я дотрагиваюсь до одной из крошечных ракушек, украшающих платье.

«Нет, думаю, я только испорчу этот костюм».

– Нет, – раздается низкий мужской голос прямо у меня над ухом.

Я испуганно оборачиваюсь. Король Гидеон стоит у меня за спиной. Откуда он появился? Я не слышала, как хлопнула дверь.

– Не это платье, – говорит он, пристально глядя мне в глаза.

Мне становится невыносимо жарко, пульс учащается настолько, что я перестаю слышать голоса других девушек. Ко-

роль Гидеон – Змеиный король – касается моего локтя.

– Идите со мной, – говорит он и ведет меня мимо всех остальных к другому платью, на которое я даже не обратила внимания.

Серо-коричневое одеяние из птичьих перьев. Как и в случае с лисьим костюмом, у манекена в руке маска, только не из золота, а из черного оникса – некое подобие клюва. Король берет меня за руку, чтобы я ощупала плечо манекена. Провожу пальцами по мягким перьям.

– Они настоящие?

– Да. Настоящие совиные перья, – подтверждает Змеиный король мою догадку и расплывается в улыбке. – Не хотите составить мне компанию на несколько минут?

Я не отвечаю, и он наклоняется вплотную ко мне:

– Не бойтесь, я вас не съем.

– Конечно, – нервно усмехаюсь я.

Король удовлетворенно кивает и, взяв у меня цепь с фамильным именем, вешает ее на манекен, а затем предлагает мне руку.

– Прошу извинить нас, мы ненадолго.

Мы покидаем зал под испепеляющими взглядами других невест.

8

Совиная башня

Мы выходим из комнаты с манекенами туда, где король скрылся в прошлый раз. Дверь, замаскированная под стенную панель, ведет в узкий коридор, которым, вероятно, пользуется только прислуга. Под ногами скрипят половицы, и больше ничто не нарушает тишину: король молчит. После нескольких поворотов и подъема по крутой лестнице он наконец открывает дверь в наружной стене. Эта дверь ведет на деревянный мостик. После темного коридора мне требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к полуденному свету, и только потом я понимаю, что этот мост соединяет дворец с Совиной башней. Вид здесь, безусловно, восхитительный. Неужели он хочет отвести меня туда? Зачем? И почему именно меня? Как он вообще заметил меня? Одним Божественным Близнецам да Зимнему волку известно. В отличие от некоторых я намеренно молчала и старалась не выделяться. Ухватившись за перила, я вступаю на мостик вслед за королем. Ранний летний ветерок приятно обдувает кожу.

– Леди Александра, не так ли? – наконец нарушает молчание Змеиный король.

– Да, Ваше Величество, – смиренно отвечаю я.

– Как прошло ваше путешествие? Без неприятных проис-

шествий? – Он оборачивается и хватает меня за руку.

С трудом заставляю себя сдержаться и не отпрянуть. Пальцы у него теплые и сильные.

– Осторожно, – спокойно предупреждает он. – Здесь прогнившие доски.

Свободной рукой он указывает на две балки моста более темного цвета, чем остальные. Я осторожно опускаю глаза. Мощный внутренний двор примерно на три этажа ниже нас. Вслед за Змеиным королем делаю широкий шаг и преодолеваю опасное место.

– Может, стоит просто починить его? – вырывается у меня, прежде чем я успеваю подумать.

– Никак руки не дойдут, – отвечает король.

Странно, если учесть, что он только что отстроил Совиную башню заново. Когда эти доски успели прогнить?

– Вы впервые в столице?

Король останавливается и оборачивается так внезапно, что я едва не сталкиваюсь с ним лицом к лицу. У него такая гладкая чистая кожа, что некоторые девушки из костюмерной, пожалуй, позавидовали бы. Я почему-то думала, что у него зеленые глаза, но теперь вижу, что они светло-серые – как туман.

Король Гидеон вытягивает шею, и в один безумный миг мне кажется, что он хочет поцеловать меня – прямо здесь, на мосту над внутренним двором, в тени Совиной башни. Однако вместо поцелуя он проводит кончиком носа по мо-

ей шею, там, где под кожей проступает вена. Я замираю, как кролик перед удавом.

– Вы пахнете летом, – шепчет он мне на ухо.

Что это значит? Я делаю глубокий вдох в отчаянной попытке сохранить ясность мыслей.

– Платье совсем новое, – невразумительно бормочу я в ответ. – Портниха, вероятно, сбрызнула его парфюмированной водой.

– Нет. Я не об этом. *Вы* пахнете летом.

– Я... – взволнованно запинаясь и замолкаю.

Что вообще можно на это сказать?

– Идите за мной, – приказывает он и как ни в чем не бывало продолжает путь. – Я вам кое-что покажу.

Мы выходим из двери в стене башни и попадаем на лестничную площадку. Башня сложена из белого камня; стены также выкрашены в белый цвет, поэтому здесь очень светло, но вместе с тем как-то холодно. Король велит следовать за ним вверх по лестнице.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – говорит он. – Вы уже бывали в Торренштадте?

– Я здесь впервые, Ваше Величество, – коротко отвечаю я, это все же лучше, чем просто «нет».

Что я здесь делаю? Чего он хочет?

– И как вам?

– Я... ошеломлена.

Он усмехается и останавливается на лестничной площад-

ке.

– Дома, конечно, спокойнее. Думаю, леса там у вас замечательные.

– Не только леса.

– О, это я заметил.

На щеках проступает румянец.

– Может быть, вы однажды покажете мне Гримхольд?

– Мы всегда будем рады принять Ваше Величество, – скороговоркой отвечаю я и добавляю: – Возможно, вы захотите посетить нас с супругой после свадьбы.

Сердце колотится вдвое быстрее, чем следовало бы. Змеиный король неотрывно смотрит мне в глаза:

– Вы думаете, я не остановлю свой выбор на вас, Александра?

Нервно сглатываю:

– Я видела других невест, Ваше Величество. Большинство из них происходят из более влиятельных семей, чем я. Или более красивы. Или и то и другое.

Король делает шаг навстречу. Неужели он снова хочет почувствовать мой запах? С другой стороны, что я могу сделать? Он же король...

– Мне кажется, вы можете предложить гораздо больше, чем думаете. Ваши глаза...

Глаза, конечно же. Эти проклятые глаза!

– Я сразу обратил внимание.

Теперь он так близко, что я чувствую кожей его дыхание.

Итак, ему кажется, что от меня пахнет летом, а вот от него... не пахнет ничем. Как бы я ни старалась, я не могу уловить вообще никакого запаха. Если бы я не была абсолютно уверена в его реальности, я бы подумала, что передо мной фантом. Призрак.

– Совиные глаза, – шепчет король Гидеон. – И вы не первая, у кого я вижу такие глаза.

Король отворачивается так же внезапно, как и подошел ко мне, и открывает дверь в небольшую комнату. С облегчением выдыхаю. На первый взгляд кажется, что Змеиный король привел меня в свои личные покои. Помимо бесконечного белого здесь преобладает зеленый цвет: зеленые ковры, зеленые настенные украшения, даже широкий балдахин кровати, украшенной замысловатой резьбой, тоже зеленый, как и покрывала. Однако затем я обращаю внимание на мелкие детали – комод с зеркалом и красивый стульчик перед ним; украшения и пальцы с неоконченной вышивкой на комодe... Маленький круглый столик у окна заставлен коробочками и цветными бутылочками.

Как только я понимаю, где мы находимся, он произносит:
– Комната моей матери.

Змеиный король как ни в чем не бывало берет меня за руку и подводит к портрету в натуральную величину, на котором изображена красивая женщина в огненно-красном одеянии.

Это наша покойная королева? Та самая ведьма? Мать Ги-

деона? В этом платье – особенно на фоне зеленого интерьера комнаты – она напоминает пламя в весеннем лесу.

– Ее называли Королевой-совой, вы знали об этом? – задумчиво спрашивает король.

Я хочу ответить, но в горле настолько пересохло, что вырывается только невнятный хрип. Не дожидаясь ответа, Гидеон продолжает:

– Она была прекрасна, вы не находите?

Я киваю, потому что это правда. Если этот портрет точно передает ее внешность, то королева Элдрет действительно была редкой красавицей.

Король указывает вверх:

– Посмотрите, какие у нее глаза.

Взглянув, куда он показывает, я понимаю, что король имеет в виду: янтарно-карие глаза, загадочно мерцающие в солнечных лучах, проникающих через окно. Художнику, вероятно, пришлось писать теми красками, которые были в его распоряжении, но мне кажется, я понимаю, к чему клонит король.

– Вы видите это? – спрашивает он.

– Не уверена, – лгу я.

– У нее такие же глаза, как у вас, Александра, – бормочет он. – У вас ее глаза, понимаете?

Я качаю головой. Он отходит к окну, и я с облегчением отворачиваюсь от образа почившей королевы-ведьмы. Внезапно появляется такая слабость в коленях, что я боюсь упасть

прямо здесь. Гидеон Даркенфаль не смотрит ни в окно, ни на меня, лишь задумчиво поглаживает белую оконную раму.

– Она снится мне почти каждую ночь, представляете?

Его голос слегка сбивается, в нем слышится некая уязвимость, от которой мне не по себе. Я не готова к такому внезапному и глубокому погружению в его внутреннюю жизнь.

– Мне снятся ее крики, – продолжает он, и мне становится совсем плохо.

– Я был там, вы знали об этом?

Слава Миркай и Виркай, он не отрывает глаз от оконной рамы и не смотрит на меня. Тихонько пячусь к стене, чтобы к чему-нибудь прислониться.

– Они заставили меня смотреть, как ее сжигают на костре.

О нет! Только не это!

– Представляете, Александра, каково это – видеть, как вашу родную мать и младших сестер сжигают на костре у вас на глазах? Слышать их мучительные крики, которые доносятся до вас даже сквозь треск пламени и гомон толпы?

Он это видел? Он видел своими глазами, как его мать... его сестры?.. Словно прочитав мои мысли, он поворачивает голову и кивает:

– О да, они заставили меня смотреть. Он заставил. И сам смотрел – и на его лице не дрогнул ни один мускул. Как будто он не делил постель с женщиной, которую пожирало пламя. Как будто эти две отчаянно кричащие девочки не были его собственной плотью и кровью.

Пожалуй, если бы не стена, я бы едва устояла на ногах.

– Его лицо не выражало абсолютно ничего, как будто ему было все равно. Глаза не увлажнились даже от того едкого густого дыма, который поднимался к небу черным столбом.

Змеиный король встает и подходит ко мне:

– Они так громко кричали, Александра! Так громко! Ваш отец рассказывал об этом?

Я нервно сглатываю, но ничего не отвечаю. Да и что тут скажешь?

– Мой дядя, который воспитал и вырастил меня, любил жарить поросенка на вертеле в честь праздника Звездных кистей. Вы в Гримхольде тоже так делаете? Конечно же, вам знакомы эти звуки – шкворчание и шипение горящего жира, капающего в костер, потрескивание подгоревшей кожи... и запах жареного мяса, от которого текут слюнки? Так вот, моя дорогая, когда людей жгут на костре, пахнет точно так же.

Меня сейчас вырвет. Если он не замолчит, меня вырвет.

– Ваше Величество...

– Вы ни в чем не виноваты, я знаю.

Он снова стоит прямо передо мной и смотрит на меня почти с нежностью. Его глаза блестят от слез. Он таит в себе гораздо больше, чем я предполагала. У Змеиного короля есть своя история. Жуткая история.

– Но эти мерзавцы заставили меня смотреть, понимаете?

Я киваю, хотя не уверена, что кто-либо может вполне осмыслить, каково это – стать свидетелем такой запредель-

ной жестокости, даже если речь о ведьме и ее детях.

– Нельзя было так поступать, – тихо говорю я.

Король с жаром кивает.

– Нельзя было так поступать, – повторяет он.

Рука словно сама собой тянется к нему, и я осторожно поглаживаю его по плечу.

– Мне очень жаль, Ваше Величество.

– И мне, – отвечает он, поникнув головой.

Я опускаю руку.

– Вы близки с отцом? – вдруг спрашивает король, и его голос снова звучит совершенно иначе.

– С отцом? Я... да. Да. Он так поддержал меня несколько лет назад когда... когда умерла мама.

– И тем не менее ваш отец не проводил вас сюда?

– Он не мог покинуть графство. Он нужен там.

– Похоже, у него никогда не кончаются домашние дела.

Ни разу не видел его после восхождения на трон.

Отец присутствовал на коронации в Торренштадте, чтобы принести присягу новому королю. Однако с тех пор он лишь отправлял письма или отправлял по делам своего представителя. Впрочем, он и раньше нечасто бывал в столице.

– У нас сейчас действительно непростое время, Ваше Величество, – начинаю я, пытаюсь сгладить возможное недовольство короля. – Моя тетя серьезно больна.

– Печально, – нетерпеливо отвечает он. – Но неужели ваш отец не хочет увидеть, как вы будете танцевать на балу Звезд-

ных кистей? Он придет?

Солгать? Или он сразу поймет?

– К сожалению, нет, Ваше Величество. Однако он велел передать вам глубочайшее почтение.

Кажется, король недоволен.

– Хорошо. Я позабочусь об этом.

Сердце замирает.

– Что вы имеете в виду? Ваше Величество, мой отец – верный подданный короны. Он ничего не сделал...

– Действительно, – ледяным тоном соглашается король. – Он ничего не сделал.

– Что?..

Холодность исчезает из его голоса так же внезапно, как появилась.

– Не волнуйтесь, Александра, – говорит король с ласковой улыбкой. – С вашим отцом ничего не случится. Я лишь хочу, чтобы он не пропустил ничего интересного на королевских смотринах.

Я не знаю, что на это ответить и о чем с ним вообще говорить. Я даже не знаю, зачем я здесь. Из-за отца? Из-за моих совиных глаз?

– Может, нам пора возвращаться к остальным? – осторожно спрашиваю я.

Король Гидеон молчит.

– Я уже точно не помню, я был тогда слишком мал, – говорит он, пропустив мой вопрос мимо ушей, и оглядывает

комнату. – Но мне кажется, что здесь все выглядит точно так же, как и раньше. Моя будущая королева должна жить здесь. Вам было бы здесь уютно.

– Ваше Величество, я... Любая девушка была бы счастлива жить в таких роскошных покоях.

Он поднимает палец и слегка качает головой:

– Вы уклоняетесь от ответа на мой вопрос.

– Прошу прощения, Ваше Величество. Меня действительно... поражает все, что я вижу здесь.

Пусть он считает меня пустоголовой или неотесанной, лишь бы не сравнивал меня со своей матерью... По спине пробегают мурашки.

– Уверен, другие мои гости уже выбрали себе костюмы. Вы ведь будете в костюме совы, Александра, не так ли?

– Как пожелает Ваше Величество.

Он кивает:

– Сейчас я прикажу проводить вас в вашу комнату, чтобы вы могли немного отдохнуть перед ужином.

– В мою комнату?

Должно быть, я ослышалась.

– Вы остановились у баронессы Вассерштеттской, не так ли? Нет необходимости пользоваться ее гостеприимством, когда ничто не мешает вам жить здесь. Только один вопрос. Надеюсь, вы не против разделить комнату с другой девушкой?

– Я... ну... н... нет, Ваше Величество.

Ветры Виркай!

– Очень хорошо. Я подготовил комнаты для всех вас. В ближайшие дни я хотел бы узнать вас получше и чаще проводить время с вами. В моем замке всем хватит места.

Тревога внутри меня все нарастает, но король лишь подмигивает мне:

– Вам понравится королевский парк.

– Ваше Величество... Я... Позвольте... У меня еще есть дела с баронессой Вассерштеттской. Могу ли я навещать ее? Покидать пределы королевского двора?

Змеиный король громко смеется, как будто я пошутила:

– Конечно, Александра. Вы моя гостя, а не пленница.

Ирке Кальтенфельсская

Меня сопровождает в комнату не обычный слуга, а то странное существо, поднявшее кубок с вином в тронном зале. В нем, как и в короле, есть что-то зловещее... только еще более жуткое, отчего волосы на затылке встают дыбом. От него исходит неприятный, довольно сильный запах меди.

Я следую по коридорам замка за фигурой в черных одеждах и теряюсь в догадках. Неужели я останусь при дворе на несколько дней? «У моей матери были такие же глаза, как у вас, Александра». Кто говорит такое потенциальной невесте? И неужели он видит во мне свою мать? Хотя между нами нет больше ничего общего... И я уж точно не ведьма. И не королева. Он ведь не станет всерьез рассматривать мою кандидатуру только из-за цвета глаз? Сердце сжимается от страха при одной мысли об этом.

Что ж, по крайней мере, если я проведу ночь здесь, мне не придется встречаться с Тирасом Эйхенхалем. Ветры Виркая, а что, если они поселят меня в одной комнате с Ребеккой?!

– Мы пришли, – сообщает мне странный виночерпий короля Гидеона, когда мы оказываемся в длинном коридоре с несколькими дверями.

В промежутках между ними темные фигуры. Поначалу я

принимаю их за стражников, но, когда мы подходим ближе, понимаю, что это всего лишь рыцарские доспехи из черного металла. Мы останавливаемся перед дверью почти в самом конце коридора.

– Приятного времяпрепровождения, – говорит виночерпий. – Через час вас позовут на ужин.

Он кланяется, и я кивком благодарю его. Только когда он исчезает из виду, я перевожу дух, открываю дверь и вхожу.

В комнате темно и почти ничего не видно, потому что здесь, видимо, только одно окно, узкое, как бойница, с темно-зеленым лунным стеклом. Рядом пятисвечный подсвечник. Слава Божественным Близнецам, пламя свечей не темно-зеленого, а обычного цвета. Деревянные настенные панели темного цвета придают интерьеру немного уюта. Пол отполирован до блеска и пахнет лаком. Этот запах смешивается с ароматом звездных кистей, которые стоят в вазе на маленьком приставном столике рядом с дверью. В комнате есть комод с зеркалом, несколько сундуков для одежды и даже бронзовая ванна.

Кто-то уже принес наши костюмы для бала. Манекен с серо-коричневым платьем совы стоит рядом с переливающимся зелено-голубым костюмом водной феи. Кровать здесь только одна. Четыре витых столба по углам тянутся вверх, но в отличие от спальни в Совиной башне не поддерживают балдахин. Должно быть, его сняли летом. Мне придется разделить кровать с девушкой, которая стоит на коленях перед

комодом и складывает в нижний ящик свою одежду.

Это не Ребекка. Она меньше ростом и более изящно сложена; длинные черные волосы мягкими волнами струятся по плечам до бедер. Это Ирке Кальтенфельсская. Она оглядывается на меня с застенчивой улыбкой.

– Я оставила для вас два верхних ящика, – говорит она, когда я закрываю за собой дверь. – Или вы предпочитаете нижние?

– Нет, все в порядке, – отвечаю я. Мне все равно, в какие ящики складывать одежду.

Только сейчас понимаю, что один из двух дорожных сундуков в этой комнате – мой.

– Вещи уже принесли? – удивляюсь я и спешу проверить, не ошиблась ли я.

– Наверное, они сообщили сопровождающим, что король предложил нам гостевые комнаты после того, как мы покинули тронный зал, – предполагает Ирке.

– Но даже в этом случае их не могли принести сюда так быстро.

Тем не менее дорожный сундук на месте. Я поднимаю крышку и вижу, что там действительно лежит моя одежда, даже ночная рубашка, которую я надела вчера вечером, а утром сложила и положила на табуретку рядом с кроватью. Тревога усиливается. Кто собрал мои вещи? Леди Олимпия? Заметила ли она пузырьки, которые положила мне тетя Камилла? Что она могла обо мне подумать?

Я начинаю перебирать вещи и натякаюсь на завернутую в ткань шкатулку из розового дерева, в которой хранятся те самые флаконы. Я достаю ее и собираюсь открыть, но моя соседка все еще стоит рядом. А судя по слухам, она пользуется благосклонностью Его Величества. «Тир думает, что король Гидеон уже выбрал себе невесту», – вспоминаю я слова Экки.

– Все в порядке? – спрашивает она теперь.

Какой у нее тихий голосок! Сейчас в ней нет ни капли той спокойной твердости, с которой она призывала к порядку карликового пуделя рыжеволосой девушки.

– Да, – заверяю я, кладу шкатулку на платя и поворачиваюсь к ней. – Меня зовут Александра. Я дочь графа Гримхольда.

Неважно, кто она такая, но тетя Камилла и отец научили меня хорошим манерам.

– Я Ирке Кальтенфельсская, – с застенчивой улыбкой говорит девушка.

– Знаю, – отвечаю я, и ее улыбка исчезает.

Должно быть, я произнесла это с большей холодностью, чем планировала.

– Один из слуг просил передать вам, что ваша тетя пришлет карету завтра утром и вы сможете навестить ее.

Должно быть, она имеет в виду леди Олимпию. Я киваю. Хорошо. Это очень хорошо. Ирке указывает на комод:

– Помочь вам с вещами? Со своими я уже разобралась.

Я качаю головой и спешно закрываю крышку сундука.

– Не вижу смысла перекладывать платья туда-сюда.

– Вы не хотите их проветрить?

Она показывает назад, и я замечаю, что на скамье разложено еще одно платье. Оно такое же скромное, как и то, в которое одета Ирке, хотя она герцогиня большого герцогства. Похоже, Ирке Кальтенфельсская еще не рассталась со своим монастырским прошлым.

– Нет, – отвечаю я, хотя было бы глупо этого не делать. И не только потому, что к ужину мне придется снова переодеться.

По правде говоря, я немного завидую Ирке Кальтенфельсской и ее простым нарядам. Я скучаю по своим родным домашним платьям. Интересно, что бы сказали король Гидеон и остальные, если бы я пришла на ужин в штанах для верховой езды?

Ирке никак не комментирует мое странное решение. Вместо этого она тянется за маленькой полотняной сумкой, лежащей на полу перед комодом. Затем достает оттуда серый льняной мешочек и протягивает его мне.

– Лаванда, – поясняет она.

– Спасибо. – Я смущенно принимаю ее маленький подарок и кручу его в руках.

– Для сундука.

– Знаю, – бурчу я в ответ.

– Простите. Я не хотела вас обидеть.

Склонив голову, она проходит мимо меня и садится на край кровати, которую мы будем делить с сегодняшнего вечера. Не стоило мне отвечать так резко.

– Нет, это я должна извиниться перед вами, – возражаю я и следую ее примеру. – Просто... я немного растеряна. Я впервые при дворе. А тут еще и король.

Только сейчас понимаю, что она не спросила меня о нем. Или о том, куда он меня отвел и что ему от меня нужно. Вместо этого она освободила для меня лучшие ящики в комод и дала мне саше с лавандой.

– Я совсем позабыла о приличных манерах, благодарю вас.

Ирке кивает:

– Уверена, вы бы предпочли другую соседку.

Я сажусь рядом с ней:

– Я не очень хорошо знаю других девушек.

– Но вы знаете, кто я. Вернее, кем был мой отец.

Она нервно теребит деревянный медальон на скромной цепочке. На нем изображен узкий нож, оплетенный тысячелистником, – символ бога целителей.

– Да, – наконец произношу я, долго думая, что сказать.

– А я даже никогда не видела своего отца, представляете?

– Мы не выбираем семьи, в которых рождаемся.

– Я не хотела сюда ехать, – шепчет Ирке, и я замираю.

Как часто я сама думала так же в последние несколько дней? Но у меня не хватило бы смелости сказать это вслух

кому-то, кроме своей семьи. Тем более в этих стенах. Возможно, мы с Ирке Кальтенфельсской похожи больше, чем мне показалось на первый взгляд. Медленно беру ее за руку и слегка пожимаю. В ответ она тоже сжимает мою ладонь.

Мы молча сидим на кровати, и я думаю о том, что несколько ночей в этой комнате могут быть вовсе не такими неприятными, как я опасалась. Но тут я поднимаю голову и вижу большую картину, висящую над кроватью. Она очень похожа на портрет из костюмерной: король Гидеон в зеленых брюках, белых сапогах и свободной рубашке смотрит на нас сверху вниз. Он будто хочет убедиться, что я ни на секунду не забываю, зачем мы все здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.